

- [АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС](#)

-

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

Великая Стена

Ты понимаешь, что можешь там погибнуть? - спросил Уоррен.

Невил Клавэйн посмотрел в единственный глаз брата; второго Уоррен лишился в битве с Объединенными на плато Тарсис.

- Да, понимаю, - ответил он. - Но, если начнется новая война, мы все можем погибнуть. Лучше я рискну сейчас, пока остается хоть какая-то надежда на мир.

Уоррен медленно, терпеливо покачал головой:

- Мы уже столько раз проходили через это. Мне кажется, на этот раз ты вряд ли чего-то добьешься, а? Пока они там, не может быть никакого мира. Вот чего ты не понимаешь, Невил. Единственное решение, гарантирующее прочный результат, - это... - Он смолк.

- Продолжай, - подбодрил его Клавэйн. - Скажи это слово. Геноцид.

Уоррен хотел ответить, но в этот момент со стороны прибывшего корабля, в конце стыковочного коридора, возникли шум и оживление. Через дверь Клавэйн разглядел толпу репортеров, затем увидел, как кто-то пробирается к выходу, отделяваясь от вопросов предельно краткими ответами. Это была Сандра Вой, женщина из партии Демар-шистов, которая собиралась лететь с ним на Марс.

- Это не геноцид; они просто клика, а не этнически обособленная раса, - возразил Уоррен, прежде чем Вой оказалась в пределах слышимости.

- Что же это в таком случае?

- Не знаю. Предусмотрительность?

Подошла Вой. Она держалась прямо, на лице застыла маска безмолвной покорности. Ее корабль только что прибыл из Кольца Юпитера после трехнедельного перелета на максимальной скорости. Все это время надежды на мирное урегулирование кризиса оставалось все меньше.

- Добро пожаловать на Деймос, - сказал Уоррен.

- Итак, - начала Сандра, обращаясь к обоим, - мне жаль, но положение сейчас тяжелое. Давайте сразу перейдем к делу. Уоррен, как вы думаете, скоро ли нам удастся найти решение?

- Думаю, да. Если Галиана по-прежнему будет придерживаться той же тактики, что и в последние полгода, то нам следует ожидать очередной

попытка побега через... - Уоррен взглянул на дисплей, встроенный в браслет. - Примерно через три дня. Если она действительно попытается запустить с Марса очередной шаттл, то у нас не останется иного выбора, кроме обострения отношений.

Все понимали, что это означает вооруженное нападение на гнездо Объединенных.

- До сих пор вы терпели ее попытки, - заметила Вой.- И каждый раз полностью уничтожали корабль и всех находящихся на нем людей. Общий риск успешного прорыва не увеличился. Так зачем же отвечать сейчас?

- Ответ прост. После каждого нарушения мы посылали Галиане все более жесткие предупреждения. Последнее было абсолютным и окончательным.

- Если вы атакуете, то нарушите договор. Уоррен улыбнулся, внутренне торжествуя:

- Не совсем, Сандра. Возможно, вы не полностью ознакомлены с особыми условиями договора, но мы обнаружили, что он позволяет нам напасть на гнездо Галианы, ничего не нарушая. Техническое выражение - «полицейская акция», если мне не изменяет память.

Клавэйн увидел, что Вой на несколько мгновений потеряла дар речи. Он не удивился. Договор между Коалицией и Объединенными, который помогли составлять нейтральные Демаршисты Вой, оказался самым долговечным документом, за исключением кое-каких туманных, составленных с помощью компьютера выкладок. Предполагалось, что он будет недвусмысленным, хотя только машины читали его от начала до конца и только машины могли найти в нем лазейку, которой сейчас хвастался Уоррен.

- Нет... - произнесла Сандра Вой. - Здесь какая-то ошибка.

- Боюсь, что он прав, - возразил Клавэйн. - Я видел краткие резюме на нормальном языке, и в законности полицейской акции сомневаться не приходится. Но в ней нет необходимости. Я уверен, что смогу уговорить Галиану не предпринимать новой попытки к бегству.

- А если у нас ничего не получится? - Теперь Вой смотрела на Уоррена. - Мы с Невилом через три дня, возможно, будем еще на Марсе.

- Мой вам совет: не суйтесь туда.

Почувствовав отвращение, Вой отвернулась и ступила в зеленую прохладу шаттла. На минуту Клавэйн остался наедине с братом. Уоррен прикоснулся хромовым пальцем протеза к кожаной нашлепке, закрывающей его пустую глазницу, словно желая напомнить Клавэйну о том, чего ему стоила война и как мало любви он испытывал к врагу даже

теперь.

- У нас нет шансов на успех, верно? - спросил Клавэйн. - Мы летим туда только для того, чтобы ты мог сказать, что испробовал все мирные способы, прежде чем посылать войска. На самом деле ты хочешь очередной проклятой войны.

- Не будь таким пораженцем, - возразил Уоррен, печально качая головой, как старший брат, разочарованный в неудачнике младшем. - Это тебе действительно не к лицу.

- Пораженец здесь не я, - парировал Клавэйн.

- Нет. Разумеется, нет. Просто постарайся изо всех сил, братишка.

Уоррен протянул ему руку. Помедлив, Клавэйн снова взглянул в единственный глаз брата. На него смотрел следователь: глаз был светлым, бесцветным и холодным, как январское солнце. Он горел ненавистью. Уоррен презирал Клавэйна за пацифизм; за веру в то, что любой мир, даже мир, представляющий собой периоды настороженного затишья между кризисами, всегда лучше войны. Эти разногласия уничтожили последние братские чувства, еще теплившиеся между ними. Сейчас, напоминая Клавэйну о том, что они братья, Уоррен не скрывал неприязни.

- Ты неверно судишь обо мне, - прошептал Клавэйн, затем осторожно пожал Уоррену руку.

- Нет, я прав, уверен в этом.

Клавэйн миновал шлюз, и люк захлопнулся за ним. Вой уже пристегнулась; взгляд ее был безжизненным, словно она смотрела в бесконечность. Клавэйн подумал, что она загружает копию договора через свои имплантаты, прокручивает его перед глазами, пытаясь найти лазейку, возможно, запустила глобальный поиск ссылок на полицейские акции.

Корабль узнал Клавэйна, и его интерьер преобразился в соответствии со вкусами пилота. Теперь зеленый цвет приобрел бирюзовый оттенок, показатели приборов и рычаги управления расположились как можно компактнее, отражая только наиболее важные системы. Несмотря на то что шаттл был самым маленьким гражданским судном, на котором доводилось летать Клавэйну, он казался собором по сравнению с десантными кораблями, использовавшимися во время войны: те были такими крошечными, что облегали пилота, как средневековые доспехи.

- Не волнуйтесь насчет договора, - сказал Клавэйн. - Обещаю вам, Уоррен не получит возможности использовать свою лазейку.

Вой очнулась от транса в раздражении:

- Лучше бы вы оказались правы, Невил. Кто надеется на неудачу - я или ваш брат? - Она говорила по-французски с квебекским выговором,

Клавэйну пришлось сделать усилие и переключиться, чтобы понимать ее. - Если мои люди обнаружат здесь скрытый подвох, вам придется чертовски дорого заплатить.

- У Уоррена есть куча причин ненавидеть Объединенных после битвы на плато, - объяснил Клавэй. - И он тактик, не специалист по полевым операциям. После прекращения огня мои знания о червях стали высоко цениться, так что мне нашлось дело. Но Уоррен не обладает гибкостью.

- Значит, это дает ему право подталкивать нас к новой войне? - Вой говорила так, словно ее люди тоже участвовали в последнем столкновении.

Но Клавэй знал, что она права. Если вражда между Коалицией и Объединенными вспыхнет с новой силой, Де-маршисты не смогут оставаться в стороне, как пятнадцать лет назад. И все догадывались, на чью сторону они станут.

- Войны не будет.

- А если вы не сможете договориться с Галианой? Или вы собираетесь воспользоваться личным знакомством?

- Я просто был ее пленником, и всё.

Клавэй взял за рычаги управления - Вой говорила, что пилотирование наводит на нее скуку, - и поднял шаттл с Деймоса. Они полетели по касательной к экваториальному кольцу, окружающему спутник, и сразу перешли в свободное падение. Клавэй пальцем очертил на стене прямоугольный иллюминатор, который тотчас же стал прозрачным.

На мгновение перед ним мелькнуло отражение в стекле: он выглядел гораздо старше своего возраста; седая борода и волосы делали его похожим на старца, скорее даже на патриарха. Потушив свет в кабине, Клавэй испытал некоторое облегчение; он увидел Деймос, уменьшающийся с удивительной скоростью. Темная громада дальнего из двух спутников Марса, окруженная яркой, усеянной окнами лентой подвижного кольца, щетинилась орудиями. Последние девять лет Деймос был его миром, но сейчас он мог бы обхватить его большим и указательным пальцами.

- Не просто пленником, - возразила Вой. - Никто, кроме вас, не возвращался от Объединенных в здравом уме. Галиана даже не попыталась внедрить в вас свои аппараты.

- Нет, не пыталась. Но лишь потому, что время было на моей стороне. - Клавэй повторял старые аргументы - столько же ради себя, сколько и ради Вой. - Я был у нее единственным пленником. Тогда она проигрывала войну; еще один новообращенный не изменил бы положения. Условия прекращения огня были тщательно выработаны, и она знала, что ей

выгодно освободить меня, не причинив вреда. Но было и еще кое-что. Мы считали, что Объединенные не способны на такие примитивные чувства, как милосердие. Когда дело касалось нас, они вели себя хуже пауков. Поступок Галианы изменил это мнение. Среди высшего командования возникли разногласия. Если бы она не отпустила меня, то они вполне могли бы нанести по ней ядерный удар.

- Значит, здесь не было совершенно ничего личного?

- Нет, - ответил Клавэйн. - Абсолютно ничего личного.

Вой кивнула, в остальном никак не показывая, что верит ему. Это было искусство, в котором некоторые женщины достигают совершенства, подумал Клавэйн.

Разумеется, он очень уважал Вой. Она была в числе первых людей, которые несколько десятилетий назад проникли в океан Европы. Сейчас планировалось сооружение сказочных городов подо льдом, и Сандра Вой возглавляла этот проект. Предполагалось, что в неструктурированном демар-шистском обществе нет места иерархии, но люди, обладавшие талантами Вой, поднимались по карьерной лестнице, ею же самой и созданной. Она содействовала мирным переговорам между Объединенными и Коалицией Клавэйна и поэтому сейчас летела на Марс; Галиана согласилась на визит Клавэйна только при условии, что его будет сопровождать нейтральный наблюдатель, и очевидный выбор пал на Вой. Уважать было легко. Однако доверять оказалось гораздо сложнее: Клавэйну приходилось мириться с тем фактом, что женщина-Демаршист, голова которой была нашпигована имплантатами, мало чем отличалась от врагов.

Спуск на Марс был трудным: они садились под прямым углом.

Один или два раза их засекали автоматические системы слежения, расположенные на сети заградительных спутников. Орудия, парившие над гнездом, вращаясь синхронно с орбитой Марса, на несколько секунд нацелились на корабль, магнитные рельсовые пушки приготовились к бою, но затем выяснился дипломатический статус шаттла, и ему позволили лететь дальше. Заграждение действовало весьма эффективно; иначе и быть не могло, ведь Клавэйн в основном сконструировал его сам. За пятнадцать лет ни один корабль не смог ни войти в атмосферу Марса, ни покинуть ее и ни одно наземное средство передвижения не выбралось из гнезда Галианы.

- Вот она, - произнес Клавэйн, когда за горизонтом показалась Великая Стена.

- Почему вы говорите об этом сооружении в женском роде? - удивилась Вой. - Я никогда не чувствовала потребности персонифицировать его, хотя это мое создание. А кроме того... даже если

когда-то оно было живым, сейчас оно мертво.

Вой была права, но на Стену по-прежнему нельзя было смотреть без благоговейного восхищения. С орбиты она представлялась бледной окружностью на поверхности Марса, диаметром две тысячи километров. Подобно атоллу, она поддерживала внутри собственные погодные условия; диск голубого воздуха, усеянный кремово-белыми облаками, резко обрывался на границе Стены.

Когда-то внутри этой ячейки, в теплой, плотной, богатой кислородом атмосфере, существовали тысячи поселений. Стена стала самым дерзким и зрелищным из проектов Вой. Ход рассуждений был безупречен: требовался быстрый способ сделать из Марса подобие Земли, не прибегая к таким длительным общепринятым методикам, как бомбардировка кометами или таяние полярных шапок. Стена позволяла сконцентрировать первые усилия на относительно малом участке, диаметром тысяча километров, вместо того чтобы модифицировать сразу всю атмосферу. Здесь отсутствовали достаточно глубокие кратеры, так что Стена была полностью искусственной: огромная кольцеобразная атмосферная дамба, спроектированная таким образом, чтобы медленно расширяться, охватывая все большую область поверхности, со скоростью двадцать километров в год. Стену пришлось сделать очень высокой, так как в условиях марсианской гравитации для возникновения определенного давления атмосферный столб должен быть выше, чем на Земле. У поверхности ее валы, темные, как глетчерный лед, имели сотни метров в толщину, они пускали корни глубоко в литосферу, выискивая руду, требуемую для непрерывного роста Стены. Но на высоте двести километров Стена представляла собой прозрачную мембрану толщиной всего несколько микрон, абсолютно невидимую, кроме тех моментов, когда редкие оптические эффекты заставляли ее сверкать на фоне звезд, словно полярное сияние. Инженеры-экологи заселили пригодное для жизни пространство внутри Стены организмами с Земли, их геномы были тщательно модифицированы в орбитальных лабораториях. Флора и фауна распространялись, словно живые волны, и нетерпеливо плескались о границы Стены. Но Стена была мертва.

Она прекратила расти во время войны, пораженная каким-то биологическим оружием, которое повредило ее репродуцирующие механизмы, и теперь даже экосистема внутри ее гибла; атмосфера охлаждалась, кислород улетучивался в космос, давление необратимо приближалось к марсианской норме - одна семитысячная от земного.

«Каково Вой видеть все это? Может быть, она смотрит на Стену, как на

умершее дитя?» - подумал Клавэйн.

- Мне жаль, что нам пришлось убить ее, - произнес он, собираясь уже добавить, что подобные действия оправдываются войной, но решил, что это прозвучало бы беспомощно - словно он защищается от нее.

- Вам не нужно извиняться, - отозвалась Вой. - Это было всего лишь механическое оборудование. Честно говоря, я удивляюсь, что оно просуществовало так долго. Видимо, там еще продолжают действовать какие-то остаточные программы ликвидации повреждений. Как вам известно, мы, Де-маршисты, построили Стену для последующих поколений.

Да, и это заботило соратников Клавэйна. Говорили об ограничении превосходства Демаршистов во внешней Солнечной системе; предлагали даже установить господство Коалиции вокруг Юпитера.

Они скользнули по верхушке Стены и прошли сквозь исчезающие слои атмосферы внутри ее, при этом корпус шаттла принял заостренную форму. Почва выглядела иссушенной, безжизненной, повсюду виднелись разрушенные дома, проломленные купола, развороченный транспорт, сбитые шаттлы. Мелькали пятна тундровой растительности, с неглубокими корнями, в основном темно-красного цвета: пушица, камнеломка, арктические маки и лишайник. Клавэйн узнавал каждое растение по четкому инфракрасному следу; теперь, когда занесенные сюда виды птиц вымерли, растения также угасали. Лед лежал огромными серебристыми пластами, лишь небольшие, оставшиеся незамерзшими участки воды подогревались скрытыми в почве термоэлементами. Повсюду целые отрезки почвы покрылись почти бесплодным слоем вечной мерзлоты. Здесь мог бы цвести настоящий рай, подумалось Клавэйну, если бы война все не разрушила. И тем не менее, если они допустят новую войну, происшедшее здесь побледнеет перед картиной опустошения, которое воцарится во всей системе, на Земле и Марсе.

- Вы уже видите гнездо? - спросила Вой.

- Подождите секунду, - ответил Клавэйн, запросив с закрепленного прямо перед глазами дисплея вид на гнездо. - Вот оно. Хороший, отчетливый тепловой след. На мили вокруг ничего нет, по крайней мере никаких живых существ.

- Да. Теперь я вижу.

Гнездо Объединенных располагалось на расстоянии трети от конца Стены, недалеко от подножия горы Арсия. Лагерь имел в окружности всего километр и был обнесен насыпью, с внешней стороны которой накопилась груда пыли. Пространство внутри Великой Стены было достаточно

большим, чтобы здесь мог сформироваться особый климат. Стена простиралась довольно далеко с севера на юг и с запада на восток планеты, так что под действием кориолисово-вой силы¹ и в результате суточного нагревания-охлаждения здесь возникали воздушные потоки.

Теперь он видел гнездо гораздо отчетливее: из дымки выступали отдельные детали.

Внешне планировка была ему отлично знакома. С тех пор как прекратился вооруженный конфликт, команда Клавэйна изучала гнездо с наблюдательного пункта на Деймосе. Фобос, имеющий более низкую орбиту, разумеется, еще лучше подходил для этой цели - но здесь уже ничего нельзя было поделаться, и, возможно, Клавэйну удастся использовать проблему Фобоса в переговорах с Галианой. Руководительница находилась где-то в гнезде, - он знал это; под одним из двадцати куполов различного размера, расположенных внутри насыпи, связанных герметичными туннелями или сливающимися стенками, словно мыльные пузыри. Гнездо включало в себя несколько десятков, если не больше, уровней, уходивших под поверхность Марса.

- Как вы думаете, сколько там внутри людей? - спросила Вой.

- Девятьсот человек или около того, - ответил Клавэйн. - Эта оценка основана на сведениях, полученных мною во время плена, к тому же нам известно, что с тех пор при попытках к бегству погибло около сотни. Должен признаться, что в основном это наши предположения.

- Наши оценки совпадают. Тысяча или чуть меньше здесь, и, возможно, еще три-четыре тысячи разбросаны по системе, по меньшим гнездам. Я знаю, ваши люди думают, что мы обладаем более точными сведениями, но это не так.

- Я вам верю.

Корпус шаттла изгибался вокруг них, принимая очертания, подходящие для полета на небольшой высоте, у него выросли широкие крылья, как у летучей мыши.

- Я просто надеялся, что у вас может быть какая-то гипотеза насчет того, почему Галиана продолжает рисковать драгоценными жизнями в попытках к бегству.

Вой пожала плечами:

- Возможно, для нее жизни не настолько драгоценны, как вы считаете.

- Вы и в самом деле так думаете?

- Мне кажется, мы не можем постичь образ мышления общества коллективного сознания, Клавэйн. Даже с точки зрения Демаршистов.

Со стороны приборной панели донеслось какое-то чириканье: Галиана

подавала им сигнал. Клавэйн настроился на канал, зарезервированный для дипломатических переговоров между Коалицией и Объединенными.

- Невил Клавэйн? - услышал он.

- Да. - Он попытался говорить как можно спокойнее. - Со мной Сандра Вой. Мы готовы приземлиться, как только вы укажете нам место.

- Отлично, - произнесла Галиана. - Направьте корабль к западной части ограждения. И прошу вас, будьте осторожнее.

- Благодарю. Есть какие-то особые причины для осторожности?

- Просто поторопитесь, Невил.

Они сделали вираж над гнездом, сбрасывая скорость, и теперь скользили всего в нескольких десятках метров над источенной ветрами поверхностью Марса. В бетонной Стене открылась широкая прямоугольная дверь, за которой виднелся отсек ангара, сияющий желтыми огнями.

- Должно быть, отсюда Галиана запускает свои шаттлы, - прошептал Клавэйн. - Мы всегда считали, что в западной части Стены должен существовать широкий проход, но нам не удавалось получить хорошую картинку.

- Однако по-прежнему неясно, зачем она это делает, - заметила Вой.

Панель снова пискнула - связь была плохой, хотя они находились совсем близко.

- Нос выше! - велела Галиана. - Вы летите слишком низко и медленно. Наберите немного высоты, иначе вас засекут черви.

- Вы что, хотите сказать, что здесь есть черви?! - воскликнул Клавэйн.

- Мне казалось, что вы эксперт по червям, Невил. Он задрал нос шаттла, но было уже поздно. Впереди из

земли с молниеносной скоростью выросло нечто, в пыли извивались кольца, в тупорылой бронированной голове сверкали металлические челюсти. Он сразу же определил его: класс *Уроборос*. Черви этого вида инфицировали сотни уголков во всей системе. Не такие высокоорганизованные, как те, что наводнили Фобос, но все же весьма опасные.

- Дерьмо! - выругалась Вой; на мгновение холодный демаршистский лоск слетел с нее.

- Это вы сказали, - произнес Невил.

Уроборос нырнул под шаттл, раздался леденящий кровь стук: это челюсти вонзились в днище. Клавэйн почувствовал, что корабль тошнотворно накренился; это был теперь не летательный аппарат, а пособие по баллистике. Прохладный, сдержанный бирюзовый интерьер сменился аварийной конфигурацией, замигали сообщения об опасности,

данные о статусе вооружений. Сиденья под пассажирами надулись.

- Держитесь, - предупредил Клавэйн. - Снижаемся. К Вой вернулось спокойствие:

- Вы думаете, нам удастся вовремя добраться до гнезда?

- Шансов крайне мало. - Он все равно пытался сражаться с рычагами, но положение не улучшалось. Земля угрожающе быстро неслась им навстречу. - Жаль, что Галиана не предупредила нас чуть-чуть раньше...

- Наверное, она думала, что мы уже знаем.

Удар оказался сильнее, чем предполагал Клавэйн, но шаттл не разлетелся на куски, а сиденье смягчило приземление. Их занесло на несколько метров, затем они налетели на песчаный холм и остановились носом вверх. В иллюминатор Клавэйн заметил белого червя - робот полз к ним, изгибая составленное из сегментов тело.

- Думаю, нам конец, - произнесла Вой.

- Не совсем, - возразил Клавэйн. - Вам это не понравится, но... - Прикусив язык, он включил скрытые орудия шаттла.

С потолка спустился прицел; взглянув в него, Клавэйн поймал в перекрестье Уробороса. Совсем как в старые времена...

- Чтоб вас!.. - сказала Вой. - Это планировалось как невооруженная миссия!

- Можете подать формальную жалобу.

Клавэйн выстрелил, и корпус содрогнулся от отдачи. В боковой иллюминатор они увидели, как белый червь разлетелся на короткие сегменты. Обломки вонзились в песок.

- Хороший выстрел, - заметила Вой почти нехотя. - Он обезврежен?

- На некоторое время, - ответил Клавэйн. - На то, чтобы сегменты соединились в действующего червя, понадобится несколько часов.

- Отлично, - сказала Вой, выбираясь из кресла. - Но формальная жалоба будет, попомните мои слова.

- Может быть, вы предпочли бы, чтобы червь съел нас?

- Я просто ненавижу двуличие, Клавэйн. Он снова попробовал включить радио:

- Галиана? Мы сели, попали в переделку, но оба целы.

- Слава богу. - Старая манера выражаться отмирала с трудом, даже среди Объединенных. - Но вам нельзя там оставаться. Там есть еще черви. Как вы думаете, сможете добраться до гнезда пешком?

- До него всего двести метров, - сказала Вой. - Это будет нетрудно.

Да, двести метров - но двести метров по ненадежной почве, покрытой ямами, провалами, небольшими углублениями, где может скрываться

дюжина червей. А потом им придется карабкаться по Стене, чтобы достичь дверей ангара, находящихся на высоте десяти-пятнадцати метров над землей.

- Будем надеяться, что да, - ответил Клавэйн.

Он отстегнул ремни и, впервые поднявшись на ноги при марсианской силе тяжести, почувствовал легкое головокружение. Он слишком привык к гравитации кольца Деймоса, созданной для удобства тактиков с Земли. Подойдя к аварийному шкафчику, он нашел маску, которая удобно облегла лицо, другую дал Вой. Подсоединив баллоны с воздухом, они направились к двери шаттла. На этот раз, когда она открылась, дверной проем оказался затянут блестящей мембраной - это была недавно запатентованная новинка демаршистской технологии. Клавэйн прошел сквозь мембрану, и материал ее облепил его с мокрым хлюпающим звуком. Когда он спрыгнул на землю, мембрана уже затвердела вокруг его ступней и начала, оставаясь прозрачной, образовывать сочленения и складки.

Вой вышла вслед за ним, тоже в прозрачном скафандре.

Они бросились бежать прочь от разбитого шаттла, направляясь к Стене. Если поблизости были черви, то они уже, безусловно, зафиксировали вызываемые бегущими колебания почвы. Возможно, сейчас роботов больше интересовал корабль, но на это не приходилось рассчитывать. Клавэйн отлично разбирался в поведении червей, знал основные механизмы их поведения, но это знание не гарантировало ему выживания. Оно чуть не подвело его на Фобосе.

Маска прилипла к лицу. Теоретически воздухом у основания Великой Стены еще можно было дышать, но не имело смысла проверять это при такой нехватке времени. Ноги его еле отрывались от земли, и, хотя он двигался вперед, Стена, казалось, упрямо отказывалась приближаться. Она была выше, чем виделось с места крушения, и находилась по крайней мере вдвое дальше.

- Еще червь, - сказала Вой.

С западной стороны из песка показались белые кольца. Уроборос, извиваясь, зигзагами приближался к ним с хищным спокойствием, понимая, что может позволить себе не торопиться. В туннелях Фобоса у них не было этого преимущества - заранее знать о приближении червя. Враги наносили удар из засады, быстрые, словно питоны.

- Бежим! - скомандовал Клавэйн.

В отверстии дверей высоко над землей показались темные фигуры. Со Стены упала веревочная лестница. Клавэйн, направляясь к основанию Стены, не старался соблюдать осторожность, зная, что червь наверняка

поймал его в прицел.

Он оглянулся.

Червь остановился у брошенного шаттла, затем ударил головой с алмазными челюстями по корпусу, проткнув его насквозь. Червь встал на дыбы, корабль повис на нем, словно гирлянда. Затем он встряхнулся, и шаттл разлетелся, словно истлевший скелет. Червь снова обратил внимание на Клавэйна и Вой. Подобно гремучей змее, он вытащил из песка свое тридцатиметровое тело и покатился к ним, свернувшись кольцом, словно колесо.

Клавэйн добежал до лестницы.

Прежде он мог бы вскарабкаться по ней, цепляясь одними руками, даже при земной гравитации, но сейчас лестница раскачивалась, словно живая, у него под ногами. Он начал было карабкаться, но понял, что скорее не взбирается по перекладинам, а падает вниз. Объединенные втаскивали его на Стену.

Оглянувшись, он увидел, что Вой споткнулась.

- Сандра! **Нем!**

Она попыталась подняться, но было уже поздно. Когда червь обрушился на нее, Клавэйну оставалось лишь отвернуться и молиться, чтобы смерть ее была быстрой. Если смерть эта оказалась бессмысленной, подумал он, по крайней мере пусть она будет быстрой. Затем Клавэйн вспомнил о себе.

- Быстрее! - крикнул он, но из-за маски вместо крика раздалось какое-то паническое мычание. Он забыл настроить передатчик скафандра на нужную частоту.

Червь с разгону ударился о Стену, затем поднялся на дыбы, раскрыв пасть - обрамленное алмазами отверстие, словно от бура проходческого щита. Клавэйн заметил нескольких Объединенных; опустившись на колени, они выглядывали сверху, направляя вниз ружья. Червь извивался в сильном раздражении. Клавэйн увидел, что по песку к нему приближаются другие черви. Должно быть, гнездо окружали дюжины чудовищ. Неудивительно, что люди Галианы почти не предпринимали попыток сбежать по земле.

Объединенные подтащили Клавэйна на десять метров, и он оказался в безопасности. В тех местах, где шкуру червя задело выстрелами, виднелись кибернетические схемы. Разъярившись, червь обрушился на Стену, откалывая куски бетона размером с большой валун. Когда Клавэйна тащили наверх, он чувствовал, как сотрясается Стена.

Червь снова ударил, и Стена содрогнулась еще сильнее. К своему ужасу, Клавэйн увидел, как один из Объединенных потерял равновесие и

падает со Стены прямо на него. Время замедлило ход. Человек почти долетел до него. Клавэйн машинально прижался плотнее к стене, вцепившись в лестницу, а затем внезапно схватил человека за руку. Несмотря на марсианскую гравитацию и худобу упавшего, они, столкнувшись, чуть не рухнули в пасть Уроборосу. Клавэйн почувствовал, что руки его вылетают из суставов, затрещали хрящи, но он ухитрился удержать и Объединенного, и лестницу.

У основания Стены Объединенные без труда дышали воздухом. На человеке был только легкий костюм, нечто вроде серой шелковой пижамы с поясом. Марсианская внешность человека - запавшие щеки и голый череп - придавали ему сходство с мертвецом. Но он каким-то образом ухитрился не выронить оружие, держа его в другой руке.

- Отпустите меня, - сказал человек.

Червь все приближался, несмотря на ущерб, причиненный ему Объединенными.

- Нет, - ответил Клавэйн сквозь стиснутые зубы и искажающую звук мембрану на лице, - я вас не отпущу.

- У вас нет выбора. - Голос его был бесстрастен. - Они не смогут втащить нас обоих наверх достаточно быстро, Клавэйн.

Клавэйн взгляделся человеку в лицо, пытаясь определить его возраст. Лет тридцать, а может быть, даже меньше, просто внешность сильно портила его. Клавэйн был явно раза в два старше; он наверняка прожил более богатую событиями жизнь, удачно избегал смерти в трех-четырех предыдущих случаях.

- Это я должен умереть, а не вы.

- Нет, - возразил Объединенный. - Они найдут способ взвалить на нас вину за вашу смерть. Они сделают из этого повод к войне. - Человек бесстрастно направил ружье на свою голову и вышиб себе мозги.

Скорее от потрясения, чем при мысли, что человека ему уже не спасти, Клавэйн выпустил его. Мертвец полетел вниз, в пасть червя, который только что справился с Сандрой Вой.

Ничего не чувствуя, Клавэйн позволил втащить себя в безопасное место.

Когда бронированная дверь ангара закрылась, Объединенные обрызгали костюм Клавэйна жидкостью, содержащей ферменты. Ферменты за несколько секунд растворили материал, и Клавэйн, тяжело переводя дыхание, оказался в луже слизи. Затем с помощью двоих Объединенных он нетвердо встал на ноги и через некоторое время, прикладывая к лицу маску, смог нормально дышать. Сквозь слезы, выступившие от напряжения, он

рассмотрел, что ангар набит наполовину законченными кораблями - скелетами, похожими на акул, предназначенными для того, чтобы мгновенно пронзить атмосферу.

- Сандра Вой погибла, - сказал он, убрав маску. Разумеется, Объединенные отлично видели это, но ему казалось бесчеловечным не упомянуть о случившемся.

- Я знаю, - ответила Галиана. - Но вы, по крайней мере, выжили.

Клавэйн подумал о человеке, упавшем в пасть червя.

- Я сожалею о вашем... - Он смолк; несмотря на все свои глубокие знания об Объединенных, он понятия не имел, как назвать этого человека.

- Пытаясь спасти его, вы подвергали свою жизнь опасности.

- Ему не нужно было умирать.

Галиана с глубокомысленным видом кивнула:

- Согласна; может быть, и не нужно. Но вы сильно рисковали. Вы слышали, что он сказал. Вашу смерть приписали бы нашему злему умыслу; это стало бы оправданием для превентивного удара по гнезду. Даже Демаршисты обратились бы против нас, если бы решили, что мы убили дипломата.

Сделав еще один глоток воздуха из маски, он взглянул в лицо собеседнице. Клавэйн разговаривал с Галианой по низкочастотным видеоканалам, но, лишь оказавшись рядом с ней, он ясно понял, что за пятнадцать лет эта женщина почти не изменилась. Полтора десятка лет привычного выражения лица должны были впечатать в ее кожу жесткие линии, но у Объединенных не было привычных выражений лиц. За это время Галиана видела мало солнечного света, сидя здесь, в гнезде, а в марсианской гравитации кости сохранялись гораздо лучше, чем на Деймосе. Она все еще блистала той жестокой красотой, которую он помнил со времени своего плена. Единственным свидетельством старения были серебряные нити в ее волосах, когда-то черных, словно вороново крыло.

- Почему вы не предупредили нас насчет червей?

- Предупредить вас? - В первый раз на ее лице мелькнуло нечто вроде сомнения, но это продолжалось лишь мгновение. - Мы считали, что вы отлично знаете о заражении Уроборосом. Эти черви многие годы спали - были неактивны, но они всегда находились там. Только увидев, как неосторожно вы приближаетесь, я поняла...

- Что мы об этом не знаем?

Черви представляли собой оборонительное оружие - это были автономные мины-охотники. После войны во многих частях Солнечной системы остались места, занятые активными червями. Эти машины в

некотором смысле обладали разумом. Никто никогда не признавался в их использовании, и обычно не представлялось возможным дать им понять, что война закончилась и они должны тихо прекратить свое существование.

- После того что произошло с вами на Фобосе, - сказала Галиана, - я решила, что насчет червей вас учить нечему.

Он не любил вспоминать о Фобосе: боль въелась слишком глубоко. Но если бы не полученные там увечья, его никогда не отправили бы на Деймос поправляться, никогда не завербовали бы в разведывательное отделение его брата, изучать Объединенных. Глубоко погружившись во все, касающееся противника, Клавэйн смог стать посредником - а теперь даже дипломатом - накануне новой войны. Сейчас Фобос занимал центральное место в его мыслях, потому что он считал его выходом из тупика, - возможно, последним шансом на мирный исход. Но было еще слишком рано делиться этими идеями с Галианой. Он вообще сомневался, что его миссия получит продолжение после того, что случилось.

- Я так понимаю, что сейчас мы в безопасности?

- Да, мы можем возместить ущерб, нанесенный Стене. В принципе, на червей можно не обращать внимания.

- Нас должны были предупредить. Послушайте, мне нужно поговорить с братом.

- С Уорреном? Конечно. Это легко устроить.

Они вышли из ангара, прочь от недостроенных кораблей. Клавэйн знал, что где-то глубоко в недрах гнезда есть завод, изготавливающий компоненты для этих кораблей из материалов, добываемых на Марсе, или из отходов жизнедеятельности гнезда. Объединенные ухитрились запускать корабль примерно раз в шесть недель; это продолжалось уже шесть месяцев. Ни одному кораблю не удалось покинуть атмосферу Марса - они были сбиты... но рано или поздно ему придется спросить Галиану, почему она упорствует в этом безрассудстве.

Но время для этого еще не пришло - даже если поверить словам Уоррена о том, что до следующей провокации осталось всего три дня.

Воздух в гнезде был плотнее и теплее, чем в ангаре, а это означало, что Клавэйн мог избавиться от маски. Галиана провела его коротким коридором с серыми металлическими стенками в круглую комнату с пультом. Он узнал эту комнату - отсюда Галиана говорила с ним, когда он был на Деймосе. Она показала ему, как пользоваться системой, и, пока он устанавливал связь с Деймосом, оставила его одного.

Вскоре на экране возникло лицо Уоррена, составленное из крупных точек, словно портрет в стиле импрессионизма. Объединенным разрешали

отправлять в другие части системы не более нескольких килобайтов в секунду. Значительную часть ширины канала занимало это изображение.

- Думаю, ты уже слышал, - начал Клавэйн. Уоррен кивнул, лицо его было пепельно-серым.

- Разумеется, мы получаем хорошую картинку с орбиты. Достаточно хорошую для того, чтобы увидеть, что стало с Вой. Бедная женщина. Мы были уверены, что ты спасся, но я рад получить подтверждение.

- Ты хочешь, чтобы я прервал миссию? Уоррен на некоторое время задумался.

- Нет... Я это предполагал, разумеется, и высшее командование согласно со мной. Смерть Вой - трагедия, от этого никуда не денешься. Но она летела вместе с тобой лишь в качестве нейтрального наблюдателя. Если Галиана позволит тебе остаться, предлагаю так и сделать.

- Но ты по-прежнему считаешь, что у меня только три дня?

- Это зависит от Галианы, верно? Ты что-нибудь узнал?

- Ты издеваешься. Я видел только шаттлы, готовые к полетам, это все. И я еще не заговаривал о Фобосе. Время сейчас не совсем подходящее, после того что случилось с Вой.

- Да. Если бы только мы знали об этих Уроборосах. Клавэйн склонился ближе к экрану:

- Вот именно. Почему, черт побери, мы не знали? Галиана считала, что мы знаем, и я ее за это не виню. Мы вели постоянное наблюдение за гнездом в течение пятнадцати лет. Разумеется, за это время мы должны были заметить червей.

- Тебе нравится так думать, не правда ли?

- Что ты хочешь сказать?

- Я хочу сказать, что черви, возможно, не всегда были там.

Понимая, что разговор их не может быть конфиденциальным, но не желая уходить от этой темы, Клавэйн переспросил:

- Ты считаешь, что Объединенные устроили нам засаду?

- Я считаю, что нельзя пренебрегать ни одной гипотезой, какой бы отвратительной она ни была.

- Галиана не способна на такое.

- Верно, не способна, - вмешалась предводительница Объединенных, только что вернувшаяся в комнату. - И я разочарована тем, что вы вообще стали обсуждать такую возможность.

Клавэйн прервал связь с Деймосом.

- Знаете, подслушивать - не очень красивая привычка.

- А чего вы ждали от меня?

- Неужели вы мне совсем не доверяете? Или это требует слишком больших усилий?

- Когда вы были моим пленником, я не испытывала необходимости доверять вам, - ответила Галиана. - От этого наши взаимоотношения были намного проще, а наши роли - определеннее.

- А сейчас? Если вы мне настолько не доверяете, зачем вообще согласились принять меня? Вместо меня могло бы отправиться множество других специалистов. Вы вообще имели возможность отказаться от переговоров.

- Люди Вой давили на нас, чтобы мы согласились на ваш визит, - пояснила Галиана. - Так же, как давили на вас, чтобы вы еще на некоторое время воздержались от насилия.

- И это все?

На сей раз она слегка помедлила.

- Я... знала вас.

- Знали меня? Вы так называете год тюремного заключения? А как насчет тысяч разговоров между нами, когда мы забывали наши разногласия, чтобы поговорить о чем-то еще, кроме проклятой войны? Я ушел от вас в здравом уме, Галиана. Я никогда не забывал об этом. Вот почему я рискнул своей жизнью, чтобы попасть сюда и отговорить вас от новой провокации.

- Теперь дело обстоит совершенно иначе.

- Ну конечно! - Он едва сдерживался, чтобы не закричать. - Конечно иначе. Но главное не изменилось. Мы все еще можем восстановить это доверие и найти выход из кризиса.

- А разве ваши сторонники действительно хотят найти выход?

Клавэйн ответил не сразу; он понимал, что в чем-то Галиана права.

- Я не уверен. Но я не уверен также, что вы этого хотите, иначе вы перестали бы испытывать судьбу. - В нем словно что-то щелкнуло, и он задал вопрос, который намеревался задать гораздо более дипломатично: - Почему вы продолжаете это делать, Галиана? Почему вы запускаете эти корабли, зная, что их собьют, как только они покинут гнездо?

Она твердо взглянула ему прямо в глаза:

- Потому что мы можем себе это позволить. Потому что рано или поздно один из них уйдет невредимым.

Клавэйн кивнул. Он боялся, что она ответит именно так.

Она вела его по другим серым коридорам, они спустились на несколько уровней ниже. Свет лился из извивающихся полос, встроенных в стены, словно артерии. Возможно, дизайн был декоративным, но Клавэйн

подумал, что полосы просто выросли таким образом, подражая биологическим алгоритмам. Хотя не было сведений о том, что Объединенные пытались оживить окружающие их вещи и сделать их в каком-то смысле подобными людям.

- Вы подвергаетесь ужасной опасности, - заметил Клавэйн.

- Но теперешнее положение невыносимо. Я от всей души хочу избежать новой войны, но если дело до нее дойдет, у нас по крайней мере есть возможность сбросить эти оковы.

- Если вас сначала не уничтожат...

- Мы сможем этого избежать. В любом случае страх не влияет на наш образ мыслей. Вы видели человека, который принял свою судьбу на насыпи, когда понял, что ваша смерть повредит нам больше, чем его гибель. Он изменил свое состояние духа, пришел к полному всепрятию.

- Прекрасно. Тогда все становится на свои места.

Она остановилась. Они были одни в коридоре, освещенном змееподобными лампами; с тех пор как они покинули ангар, Клавэйн не видел никого из жителей.

- Мы не считаем жизнь отдельного человека ничего не стоящей, смерть - это жертва для нас, как если бы вы отдали часть тела. Но сейчас, став частью единого целого...

- Вы имеете в виду Всеобщее Просветление?

Этим термином Объединенные определяли состояние единства нервной системы, в котором они пребывали, оно осуществлялось посредством механизмов, встроенных в мозг каждого из них. Если Демаршисты пользовались им-плантатами, чтобы создавать демократию, действующую в реальном времени, то Объединенные с помощью машин разделяли чувственную информацию, воспоминания и даже сознательные мысли. Именно это ускорило начало войны. Тогда, в 2190 году, половина человечества пользовалась сетями, позволяющими обмениваться информацией посредством нервных имплантатов. А затем эксперименты Объединенных перешли некую черту, и в сети был запущен трансформирующий вирус. Имплантаты начали видоизменяться, инфицируя миллионы людей шаблонами мышления Объединенных. Инфицированные немедленно перешли в разряд врагов. Земля и другие внутренние планеты всегда были более консервативны и предпочитали получать доступ к сетям традиционными способами.

После того как поселения на Марсе и поясе астероидов пали жертвой феномена Объединенных, власти Коалиции поспешно собрали силы, чтобы предотвратить распространение эпидемии в своих владениях. Демаршисты,

обитавшие на спутниках газовых гигантов, успели вовремя установить файерваны, и пострадало лишь незначительное количество их поселений. Они предпочли нейтралитет, а Коалиция попыталась сдержать распространение влияния Объединенных - некоторые употребляли слово «стерилизация». Через три года, после одной из самых кровопролитных битв за всю историю человечества, Объединенных оттеснили в разбросанные по всей системе убежища. И все это время, несмотря ни на что, они изображали какое-то невинное удивление при виде того, что остальные сопротивляются их идеям. Ведь в конце концов ни один из принятых в их среду не пожалел об этом. Скорее, наоборот. Немногочисленные пленные, которых Объединенные неохотно вернули в их прежнее состояние, всячески стремились снова соединиться с их сообществом. Некоторые даже предпочитали смерть жизни вне Всеобщего Просветления. Подобно послушникам, удостоившимся видений рая, они посвящали всю свою сознательную жизнь поискам нового шанса.

- Всеобщее Просветление притупляет в нас сознание индивидуальности, - объяснила Галиана. - Когда этот человек выбрал смерть, жертва не была для него в полном смысле слова жертвой. Он знал, что большая часть его сознания останется жить среди нас.

- Но это лишь один пример. А как насчет сотни жизней, которые вы погубили в попытках бежать? Мы знаем - мы считали тела.

- Недостающих солдат всегда можно клонировать. Клавэйн надеялся, что ему удалось скрыть отвращение.

В его окружении даже упоминание о клонировании считалось непростительным промахом, вызывающим в памяти всякие ужасы. Для Галианы клонирование стало бы лишь еще одной технологией, дополняющей ее арсенал.

- Но вы ведь не занимаетесь клонированием, верно? И теряете людей. Мы считали, что в этом гнезде вас должно быть девятьсот человек, но мы сильно переоценивали вашу численность, так?

- Пока что вы видели немного, - сказала Галиана.

- Да, но здесь пахнет запустением. Вы не сможете скрыть отсутствие людей, Галиана. Бьюсь об заклад, здесь осталось не более сотни жителей.

- Вы ошибаетесь, - возразила Галиана. - Мы владеем технологией клонирования, но мы пользовались ею совсем мало. Какой смысл? Мы не стремимся к генетическому единству, что бы там ни думали ваши пропагандисты. Поиски оптимума ведут лишь к минимизации. Мы уважаем собственные ошибки. Мы активно стремимся к постоянной неустойчивости.

- Ну хорошо. - Сейчас он меньше всего нуждался в образчике красноречия Объединенных. - Так где, черт побери, все?

Через несколько минут он получил если не полный, то частичный ответ. Добравшись до конца лабиринта коридоров, на значительной глубине под поверхностью Марса, Клавэйн и Галиана оказались в детской.

Детская потрясла Клавэйна тем, что совершенно не соответствовала его представлениям. Она не только была совершенно иной, чем думали там, на Деймосе, но противоречила всем его догадкам, основанным на знании жизни гнезда. Находясь на Деймосе, он предполагал, что в детской Объединенных действует лишь угрюмая медицинская целесообразность: сверкающие аппараты с младенцами, подключенными к некоему центральному устройству, словно чудовищно продуктивная кукольная фабрика. Оказавшись в гнезде, он пересмотрел свое мнение, исходя из сократившегося числа Объединенных. Если здесь и была детская, то явно не слишком продуктивная. Меньше детей - но по-прежнему картина огромных серых машин, купающихся в свете змееподобных ламп.

Но детская оказалась совсем иной.

Просторная комната, куда привела его Галиана, была почти болезненно яркой и веселой - детская фантазия, воплощенная в приятных формах и основных цветах. Стены и потолок представляли собой голографическое изображение неба: бесконечный голубой простор и груды снежно-белых облаков. Пол был сделан в виде волнистого ковра синтетической травы, с холмами и лугами. Здесь имелись и цветочные клумбы, и леса карликовых деревьев. Присутствовали и животные-роботы: сказочные птицы и кролики, слегка антропоморфные, чтобы обмануть Клавэйна. Они походили на зверей из детских книжек - большеглазые и счастливые. В траве валялись игрушки.

Здесь были дети. Примерно тридцать-сорок человек, в возрасте от нескольких месяцев до шести-семи стандартных лет. Некоторые копошились среди кроликов; другие дети, постарше, собирались около древесных пней, верхушки которых мигали быстро сменявшимися картинками, освещая лица зрителей. Они разговаривали, смеялись или пели. Среди детей ползали на коленях взрослые Объединенные; Клавэйн насчитал их полдюжины. При взгляде на одежду детей, сделанную из окрашенных в кричащие цвета тканей с орнаментальными узорами, болели глаза. Взрослые двигались среди них, словно вороны. Но дети, казалось, чувствовали себя беззаботно в их обществе.

- Это не похоже на то, что вы ожидали, верно?

- Нет... совсем не похоже. - Лгать не имело смысла. - Мы считали, что

вы выращиваете детей в упрощенной версии механической мастерской, в которой вы обитаете.

- В самом начале дело обстояло более или менее так.- Тон Галианы едва заметно изменился. - Вы знаете, почему шимпанзе не обладают разумом в отличие от людей?

Клавэйн моргнул, не сразу уловив, к чему она ведет.

- Понятия не имею, может быть, их мозг меньше?

- Да, но мозг дельфина больше человеческого мозга, а дельфины едва ли смысленнее собак.

Галиана остановилась у ближайшего свободного пня. Клавэйн не заметил, чтобы она что-то сделала, но на срезе пня возникло изображение мозга млекопитающего, и Галиана принялась водить по нему пальцем, указывая на нужные участки:

- Важен не столько общий объем мозга, сколько процесс его развития. Разница в массе мозга новорожденного шимпанзе и взрослой особи составляет всего около двадцати процентов. К тому времени, как шимпанзе появляется на свет и начинает получать информацию из внешнего мира, мозг его практически теряет пластичность. Точно так же дельфины рождаются с почти полным набором моделей взрослого поведения. Человеческий мозг, напротив, продолжает расти в течение всех лет обучения. Мы обратили эти сведения себе на пользу. Если для формирования интеллекта так важны данные, полученные до рождения, мы решили, что, возможно, нам удастся повысить его уровень путем вмешательства на ранних стадиях развития мозга.

- В утробе матери?

- Да.

Теперь на пне появилось изображение человеческого эмбриона - от начала цикла деления клеток до формирования едва заметных складок рудиментарного спинного нерва и утолщения на нем - крошечного мозга. В нем кишели мириады внутриклеточных машин, заполняя зарождающуюся нервную систему. Затем развитие эмбриона резко рванулось вперед, и вот уже Клавэйн смотрел на нерожденное человеческое дитя.

- Что произошло?

- Мы совершили ужасную ошибку, - ответила Галиана. - Вместо того чтобы ускорить нормальное развитие нервной системы, мы причинили ей сильный ущерб. Все кончилось тем, что дети выросли умственно отсталыми, но обладали некими сверхъестественными способностями.

Клавэйн огляделся:

- И тогда вы позволили остальным детям развиваться нормально?

- Более или менее. Разумеется, у нас нет семей, но опять же существует множество человеческих обществ и обществ приматов, в которых коллектив играет большую роль в развитии ребенка, чем семья. Пока мы не обнаружили никаких патологий.

Клавэйн наблюдал, как одного из старших детей уводят из комнаты-лужайки через дверь в небо. Когда взрослый подошел к двери, ребенок остановился, упираясь, хотя взрослый мягко увлекал его за собой. Ребенок на миг оглянулся, затем последовал за своим спутником.

- Куда идет этот ребенок?

- На следующую стадию развития.

Клавэйн размышлял, позволят ли ему наблюдать, как ребенок переходит на новую ступень. Вряд ли, решил он, если не существует программы ускоренного обучения как можно более значительного числа детей. Пока он раздумывал об этом, Галиана провела его в другую часть детской. Хотя эта комната была меньше по размеру и более строгой, все же здесь было больше красок, чем в любом другом месте гнезда, которые он видел до зеленой комнаты. Стены украшала мозаика тесно переплетающихся орнаментов, среди них кишели движущиеся изображения и быстро мелькающий текст. Клавэйн заметил стадо зебр, скачущих через ядро нейтронной звезды. В другом месте осьминог выпускал струю чернил в лицо какому-то диктатору XX века. Экраны росли из пола, словно японские бумажные ширмы, и были переполнены информацией. Дети - в возрасте до одинна-дцати-двенадцати лет - небольшими группами сидели у экранов на мягких черных сиденьях в форме поганок и что-то обсуждали. Вокруг были разбросаны музыкальные инструменты: голографические клавишины, воздушные гитары. Некоторые дети, с серыми повязками на глазах, тыкали пальцами в какие-то абстрактные конструкции, исследуя глубины математического пространства, населенные драконами. Клавэйн увидел, чем они манипулируют на плоских экранах, и сердце у него сжалось.

- Они почти на месте, - сказал он. - Машины еще не внутри их мозга, но скоро проникнут туда. Когда это произойдет?

- Скоро, очень скоро.

- Вы спешите, верно? Пытаетесь сделать Объединенными как можно больше детей. Что у вас на уме?

- Что-то... произошло, вот и все. Вы прибыли или вовремя, или очень некстати, это зависит от вашей точки зрения.

И прежде чем он успел спросить ее, что это значит, Галиана добавила:

- Клавэйн, я хочу, чтобы вы кое с кем познакомились.

- С кем?

- Этот человек очень дорог нам.

Она провела его через ряд дверей, защищенных от детей, и наконец они оказались в маленькой круглой комнате. Стены были серыми, с прожилками; комната выглядела спокойной по сравнению с тем, что ему довелось только что видеть. В центре комнаты, на полу, скрестив ноги, сидел ребенок. Клавэйн оценил возраст девочки в десять стандартных лет, может быть чуть больше. Но она никак не отреагировала на появление Клавэйна - взрослый, даже ребенок, будь он нормальным, проявил бы хоть какую-то реакцию. Она просто продолжала делать то, что делала, когда они вошли, словно их и не было вовсе. Чем она занималась, было неясно. Она медленно, сосредоточенно двигала руками перед собой, словно играя на голографическом клавесине или представляя призрачный кукольный спектакль. Время от времени она поворачивалась в другую сторону и продолжала выполнять те же движения.

- Ее зовут Фелка, - сказала Галиана.

- Здравствуй, Фелка... - Он подождал, но ответа не было. - Я вижу, с ней что-то не в порядке.

- Она одна из тех умственно неполноценных детей. Фелка развивалась с машинами в мозгу. Как раз после ее рождения мы поняли свою ошибку.

Что-то во внешности Фелки встревожило Клавэйна. Возможно, то, что она продолжала свое бессмысленное занятие, поглощенная деятельностью, которой она, видимо, придавала величайшее значение, но которая явно не имела никакого смысла для разумного человека.

- Мне кажется, она нас не замечает.

- Она сильно отличается от всех нас, - пояснила Галиана. - Ее не интересуют другие человеческие существа.

У нее агнозия на лица - она не способна отличить одного человека от другого. Мы все кажемся ей одинаковыми. Вы можете представить себе нечто более странное?

Он попытался, но безуспешно. Жизнь, с точки зрения Фелки, была, должно быть, каким-то кошмаром - ее окружали сплошные клоны, внутреннюю жизнь которых она не могла постичь. Неудивительно, что она так увлеклась своей игрой.

- А почему она так важна для вас? - спросил Клавэйн, не слишком желая получить ответ.

- Она спасает нас от гибели, - сказала Галиана.

Разумеется, он спросил Галиану, что она имеет в виду. Но она лишь сказала, что он еще не готов увидеть ответ.

- А что именно требуется от меня для того, чтобы понять его?

- Простая процедура.

О да, это он хорошо понял. Всего только согласиться на установку нескольких имплантатов в определенные части мозга, и он постигнет истину. Вежливо, изо всех сил стараясь скрыть неприязнь, Клавэйн отказался. К счастью, Галиана не настаивала, так как наступило время встречи, которую ему обещали и ради которой он прибыл на Марс.

Он наблюдал, как группа обитателей гнезда цепочкой входит в конференц-зал. Галиана была их лидером, поскольку она основала здесь лабораторию, где начался эксперимент, и ей оказывали уважение как старшей. Она также явно лучше всех подходила, чтобы представлять их интересы. Все они имели специальные знания, которые нельзя было легко разделить между сообществом Объединенных; это сильно отличалось от общества похожих друг на друга клонов с общим сознанием, которое фигурировало в пропаганде Коалиции. Если гнездо в чем-то и походило на колонию муравьев, то это была колония, в которой каждый муравей играл особую роль, предназначенную только ему. Конечно, отдельному человеку нельзя было неограниченно верить умение, важное для гнезда, - это была бы опасная крайность, - но тем не менее отдельные личности не полностью сливались с коллективным сознанием.

Должно быть, конференц-зал был построен в те дни, когда гнездо выполняло роль исследовательской станции, или даже раньше, в начале XXII века, когда здесь располагалось нечто вроде базы горняков. Он был слишком велик для этой непреклонной горстки Объединенных, которые собрались вокруг главного стола. На экранах вокруг стола мелькали тактические данные о наращивании ударных сил вокруг зоны строгого режима на Марсе, возможные траектории высадки наземных войск.

- Невил Клавэйн, - представила гостя Галиана. Все заняли свои места.
- Мне жаль, что с нами нет Сандры Вой. Мы все скорбим о ней. Но возможно, после этого ужасного несчастья мы сможем найти общий язык. Невил, прежде чем прилететь сюда, вы сообщили нам, что у вас имеется проект мирного разрешения кризиса.

- Действительно, хотелось бы его услышать, - отчетливо пробормотал один из присутствующих.

У Клавэйна пересохло в горле. С точки зрения дипломатии он очутился среди зыбучих песков.

- Мое предложение касается Фобоса...

- Продолжайте.

- Я получил там ранения, - сказал он. - Очень серьезные. Наша

попытка очистить его от червей провалилась, и я потерял несколько хороших друзей. Теперь у меня имеется личный счет к червям. Но я принял бы любую помощь, чтобы справиться с ними.

Прежде чем ответить, Галиана быстро оглядела своих соратников:

- Вы предлагаете совместную операцию?

- Это может сработать.

- Да... - На мгновение Галиана, казалось, растерялась. - Думаю, что это может быть выходом из тупика. Мы тоже потерпели неудачу в борьбе с червями - а заграждение помешало нам попытаться еще раз. - И снова она впала в задумчивость. - Но кто получит реальную выгоду от очистки Фобоса? Мы по-прежнему будем заперты здесь.

Клавэйн наклонился вперед:

- Я думаю, что именно совместные боевые действия могут привести к ослаблению заградительных мер. Но для меня это не главное. Подумайте об угрозе со стороны червей.

- Угрозе? Клавэйн кивнул:

- Возможно, вы этого не заметили. - Он снова наклонился, положив локти на стол. - Мы озабочены присутствием на Фобосе червей. Они начали изменять орбиту спутника. В настоящее время сдвиг едва заметен, но он достаточно велик, чтобы понять: это не случайность.

Галиана на миг отвела взгляд, словно взвешивая «за» и «против», затем произнесла:

- Нам это известно, но мы считали, что вы не можете этого знать.

Благодарность?

Он полагал, что деятельность червей не ускользнет от внимания Галианы.

- Мы наблюдали странное поведение и в других колониях червей по всей системе - вещи, которые выглядят как проявление рассудка, - но ничего целенаправленного. Должно быть, у этой партии существует какая-то подпрограмма, о существовании которой мы не догадывались. У вас есть предположения относительно того, что они затевают?

И снова последовало короткое молчание, словно она обсуждала со своими соратниками правильный ответ. Затем Галиана кивнула в сторону мужчины, сидящего напротив нее; Клавэйн подумал, что жест предназначался исключительно для удобства гостя. У мужчины были волнистые черные волосы, гладкое, безмятежное лицо, как и у Галианы, симметричными чертами он походил на нее.

- Это Ремонтуар, - сказала Галиана. - Он наш специалист по ситуации на Фобосе.

Ремонтуар вежливо кивнул.

- На ваш вопрос могу ответить, что у нас в настоящее время нет четкой теории относительно того, что они делают, но мы знаем одно: они увеличивают апоцентр орбиты спутника.

Клавэйн знал, что апоцентром называется марсианский эквивалент апогея для объекта, вращающегося вокруг Земли, - наиболее удаленная точка эллиптической орбиты.

Ремонтуар продолжал неестественно спокойным голосом, словно отец, читающий книгу ребенку:

- На самом деле нормальная орбита Фобоса находится внутри предела Роша¹ для гравитационно связанного спутника; Фобос порождает на Марсе приливные силы², но из-за трения эти приливы немного отстают от Фобоса. Поэтому Фобос медленно приближается к Марсу по спирали, со скоростью примерно два метра в сто лет. Через несколько десятков миллионов лет то, что останется от спутника, врежется в Марс.

- И вы думаете, что черви увеличивают радиус орбиты, чтобы избежать катастрофы, грозящей им в таком отдаленном будущем?

- Не знаю, - ответил Ремонтуар. - Я предполагаю, что изменения орбиты могут также происходить в результате какой-то менее значительной активности червей.

- Согласен, - сказал Клавэйн. - Но опасность остается. Если черви в состоянии увеличить радиус орбиты спутника - даже непреднамеренно, - то можно предположить, что они в состоянии также уменьшить его перицентр. Они могут сбросить Фобос на ваше гнездо. Неужели это не пугает вас настолько, чтобы рассмотреть возможность союза с Коалицией?

Галиана уперла кончики пальцев в лоб; у людей этот жест служил признаком сосредоточенного размышления, и даже пребывание в среде Объединенных не смогло уничтожить его. Клавэйн почти чувствовал, как в комнате образуется паутина мыслей: призрачные нити узнавания протянулись между всеми Объединенными, сидящими за столом, и куда-то прочь, к другим жителям гнезда.

- Команда победителей, вот в чем ваша мысль?

- Это наверняка лучше, чем война, - заметил Клавэйн. - Вы согласны?

Галиана, наверное, собралась ответить, но в этот момент на лице ее отразилось беспокойство. Клавэйн увидел, как всех остальных практически мгновенно захлестнула волна тревоги. Что-то подсказало ему, что волнение не имело отношения к его предложению.

Половина дисплеев, окружающих стол, автоматически переключилась на другой канал. Лицо, на которое смотрел Клавэйн, сильно походило на

его собственное, если не считать того, что у человека на экране не хватало одного глаза. Это был его брат. Изображение Уоррена перекрывали официальные эмблемы Коалиции и дюжины межпланетных информационных картелей.

Он как раз говорил что-то.

- ...выразить свое потрясение, - произнес Уоррен. - Или, если на то пошло, свой гнев. Они убили не просто исключительно ценного сотрудника и опытного члена моей команды. Они убили моего брата.

Клавэйн ощутил смертельный холод:

- Что это такое?

- Прямой эфир с Деймоса,- выдохнула Галиана. - Это передается по всем сетям, даже в поселения за пределами Плутона.

- Их действия - пример отвратительного предательства, - продолжал Уоррен. - Это не что иное, как намеренное хладнокровное убийство мирных представителей.

Лицо Уоррена сменил видеоклип. Видимо, изображение было получено с Деймоса или одного из заградительных спутников. Был виден шаттл Клавэйна, валяющийся в пыли неподалеку от стены. Клавэйн смотрел, как Уроборос крушит шаттл, затем изображение укрупнилось, и стали видны фигуры его и Вой, спасающиеся бегством к гнезду. Уроборос напал на Вой. Но на этот раз веревочной лестницы для Клавэйна не было. Вместо этого он увидел, как со стороны Стены к нему несутся смертоносные лучи, сбивают его с ног. Получив ужасные раны, он попытался подняться, прополз несколько дюймов к своим мучителям, но червь уже догнал его.

Он смотрел, как его едят.

На экране снова возник Уоррен:

- Черви вокруг гнезда - это ловушка Объединенных. Смерть моего брата была запланирована за несколько дней - а может быть, за несколько недель - до его прибытия. - Его холодное лицо излучало воинственность. -

На подобные действия мы можем ответить только одним, и Объединенные отлично понимают это. Уже несколько месяцев они провоцируют нас на силовые меры. - Он помолчал, затем кивнул невидимым зрителям. - Что же, теперь они получают то, чего добивались. Наш ответный удар уже начался.

- О боже, нет! - застонал Клавэйн, но подтверждение этих слов уже поступило: все дисплеи вокруг стола передавали изображение флота Коалиции, несущегося к Марсу.

- Думаю, это война, - заключила Галиана.

Объединенные бросились на крышу гнезда, занимая оборонительные позиции вокруг куполов и на краю стены. Большая часть их была вооружена такими же ружьями, которыми они пользовались против Уроборосов. Несколько человек устанавливали автоматические пушки на треногах. Двое тащили на позицию огромные оборонительные орудия. По большей части это были излишки военной промышленности. Пятнадцать лет назад, чтобы избежать уничтожения, Объединенные использовали оружие ужасной разрушительной силы, но орудия, пригодные для сражений между кораблями, были попросту слишком мощными в ближнем бою. Теперь они пользовались менее разрушительным оружием, годным для примитивного сражения, и Клавэйн знал, что против атаки, разработанной Уорреном, вооружение Объединенных беспомощно. Они могут задержать атаку, но не более того.

Галиана дала Клавэйну новую дыхательную маску, заставила его надеть легкий камуфляжный бронированный костюм и насильно вручила ему небольшое ружье. Держать ружье было непривычно; он не думал, что ему снова придется взять в руки оружие. Единственным оправданием ему служило то, что он собирался воспользоваться им против солдат своего брата - против своих людей.

Способен ли он на это?

Было очевидно, что Уоррен предал его; он наверняка знал о червях, окружающих гнездо. Так что его брат способен не только на презрение, но и на предательское убийство. Впервые Клавэйн почувствовал настоящую ненависть к Уоррену. Он, должно быть, надеялся, что черви полностью уничтожат шаттл и заодно прикончат Клавэйна и Вой.

И наверное, ему больно было видеть, как Клавэйн взобрался на Стену... и еще больнее слышать, как он рассказывает о трагедии. Но в основном план Уоррена не пострадал. Дипломатический канал между гнездом и Деймосом был секретным - даже Демаршисты не могли бы сразу получить к нему доступ. Так что о вызове Клавэйна с Марса можно было просто забыть; изображение, полученное со спутника-шпиона, было подкорректировано, и создалось впечатление, что он не добрался до Стены... что его предали Объединенные. Демаршисты со временем обязательно обнаружат обман... но, если план Уоррена работает, задолго до этого они будут вовлечены в войну. А только это, понимал Клавэйн, и требовалось Уоррену.

Два брата, думал Клавэйн. Во многом такие разные. Когда-то оба участвовали в войне, но Клавэйн, словно ветреный возлюбленный, устал от ее лавров. Его даже не так серьезно ранили, как Уоррена... и возможно,

дело было также и в этом. Уоррену требовалась новая война, чтобы отомстить за то, что у него отняли.

Клавэйн одновременно презирал и жалел его.

Он искал предохранитель. Изучив винтовку внимательнее, он понял, что она не так уж сильно отличается от тех, которыми он пользовался во время войны. Цифры на дисплее показывали, что аммиачная ячейка полностью заряжена.

Он посмотрел на небо.

Атакующие корабли вошли в атмосферу Марса над Стеной, под прямым углом; пятьсот шаровых молний, визжа, неслись к гнезду. При вхождении в атмосферу на большинстве кораблей выгорело некоторое количество удаляемой брони; несколько кораблей, летевших слишком быстро, сгорело. Клавэйн прекрасно знал, что происходит; он годами изучал возможные сценарии атаки, в память ему неизгладимо врезались цифры потерь.

Оборонительные орудия уже вступили в бой, зафиксировав плазменные следы, расцветающие в небе, вращались, ища крошечные огненные искорки, рассчитывая индексы рефракции для лазеров и выплевывая в небо смерть. Невезучие корабли превращались в белые вспышки, режущие глаз, и рассыпались миллионами гаснущих искр. Дюжина - затем еще дюжина. Прежде чем орудия потеряли возможность ловить цели, они сбили примерно пятьдесят кораблей. Это было слишком мало. По разработкам атак Клавэйн помнил, что из этой волны после вхождения в атмосферу и обстрела Объединенных должны выжить по меньшей мере четыреста кораблей.

Что бы ни предпринимала Галиана, теперь это не имело значения.

Его снова поразил этот парадокс. Галиане были доступны те же соображения. Она с самого начала не могла не понимать, что ее провокации приведут к атаке, которую она никогда не сможет отразить.

К атаке, которая приведет к уничтожению гнезда.

Уцелевшие корабли теперь выравнивались, начиная длинные низкие виражи, неслись на гнездо со всех сторон. Солдаты, упакованные внутри, сейчас подвергались тяжелым перегрузкам... но они были к этому готовы: в их сердечно-сосудистую систему были встроены имплантаты единственного разрешенного Коалицией типа.

Первые корабли приблизились на сверхзвуковой скорости, описывая дуги. Повсюду черви пытались схватить их в воздухе, но роботы были слишком медлительными, чтобы поймать десантные корабли. Люди Галианы заняли позиции у пушек и изо всех сил старались отогнать врага.

Клавэйн сжал ружье, но пока не стрелял. Лучше побережь заряд до того момента, когда появится верная цель.

Первые корабли наверху сделали поворот на сто восемьдесят градусов, направив носы в самоубийственном броске прямо на гнездо. Затем они распались, и показались падающие пилоты в луковицеобразных скафандрах. Непосредственно перед падением вокруг каждого пилота возник черный баллон, поглощающий удар, и солдаты стали похожи на ягоды черники, катившиеся по гнезду; но баллоны спустились так же быстро, и пилоты уже стояли на земле. К этому моменту у каждого пилота - теперь они превратились в солдат - имелась прекрасная смоделированная компьютером карта всех уголков гнезда; позиции врага изображались в реальном времени по данным со спутников.

Клавэйн спрятался за купол, прежде чем ближайший солдат поймал его в прицел. Теперь начинался бой с огнестрельным оружием. Ему пришлось оставить это людям Галианы - они сражались как дьяволы. И они были организованы не хуже нападающих. Но их оружие и обмундирование просто не подходило для этого сражения. Камуфляж был по-настоящему эффективен против единичного врага или против массы врагов, движущихся в одном направлении. Но теперь, когда их окружали солдаты Коалиции, костюм Клавэйна буквально обезумел, пытаясь стать сразу нескольких цветов, словно хамелеон в комнате с зеркальными стенами.

Небо приобрело странный, темно-пурпурный цвет. Над гнездом распространялся фиолетовый туман. Галиана применила какой-то тип химической дымовой завесы, непроницаемый для инфракрасных и видимых лучей, решил Клавэйн. Она скроет гнездо от спутников-шпионов и, должно быть, прилипает только к вражескому камуфляжу. Этого Уоррен не предвидел. Галиана получила небольшое преимущество.

Из тумана выступил солдат, темное дуло ружья было направлено на Клавэйна. Его камуфляжный костюм покрывали круглые ярко-лиловые пятна, мешавшие маскировке. Человек выстрелил, но заряд пропал зря - костюм спас Клавэйна. Он ответил тем же, и его соотечественник упал. Он подумал: технически то, что он сейчас сделал, - не предательство. Пока еще нет. Все, что он совершил, он совершил в целях самозащиты.

Человек был ранен, но еще не умер. Клавэйн пробрался сквозь пурпурную завесу и опустился на колени рядом с солдатом. Он старался не смотреть на рану.

- Вы меня слышите? - спросил он.

Раненый не ответил, но Клавэйну показалось, что он увидел движение губ за щитком, скрывающим лицо. Это был еще ребенок - едва ли он

помнил последнюю войну.

- Вы должны узнать кое-что, - продолжал Клавэйн. - Вы понимаете, кто я?

Он подумал, можно ли узнать его в дыхательной маске. Затем что-то заставило его бросить эту затею. Он может сказать этому человеку, что он - Невил Клавэйн, но чего он этим добьется? Через несколько минут, может быть, секунд солдат умрет. Никакой пользы не будет оттого, что он узнает о лжи, из-за которой его повели в атаку, о том, что он пожертвовал своей жизнью ради неправого дела. Вселенная может обойтись без подобной жестокости.

- Все в порядке, - сказал Клавэйн, отворачиваясь от своей жертвы.

Затем он направился к центру гнезда, взглянуть, кого еще можно убить, до того как превосходящие своей численностью враги прикончат его.

Но этого не случилось.

- Вам всегда везло, - произнесла Галиана, склоняясь над ним.

Они снова находились где-то под землей - глубоко в недрах гнезда. Судя по виду, это был медицинский отсек. Клавэйн лежал на кровати, полностью одетый, не хватало только внешнего слоя камуфляжного костюма. Комната с серыми стенами имела форму чайника и была опоясана круглым балконом.

- Что произошло?

- Вас ранили в голову, но вы будете жить. Он попытался сформулировать нужный вопрос:

- А как атака Уоррена?

- Мы отразили три волны. Разумеется, понесли тяжелые потери.

По окружности балкона стояло примерно тридцать серых коек, немного углубленных в ниши, набитые серым медицинским оборудованием. Все они были заняты. В этой комнате находилось больше Объединенных, чем Клавэйн до сих пор видел за один раз. Некоторые из них, казалось, были на пороге смерти.

Клавэйн поднял руку и осторожно ощупал голову. На спутавшихся волосах засохло немного крови; тело несколько онемело, но могло быть гораздо хуже. Он чувствовал себя нормально: ни провалов в памяти, ни афазии. Когда он попытался встать с кровати, тело послушалось его, лишь слегка закружилась голова.

- Уоррен не остановится на трех волнах, Галиана.

- Я знаю. - Она помолчала. - Мы знаем, что будут еще.

Подойдя к перилам, ограждающим балкон, он взглянул вниз. Он

ожидал увидеть какие-нибудь громадные непонятные медицинские приспособления, но в центре комнаты зияла пустая яма с гладкими серыми стенами. Он содрогнулся. Воздух здесь был холоднее, чем в других виденных им частях гнезда, стоял резкий больничный запах, напомнивший ему о госпитале для выздоравливающих на Деймосе. Но еще сильнее он вздрогнул, когда увидел, что некоторые из раненых - из мертвых - были едва старше тех детей, которых он посетил несколько часов назад. Возможно, здесь были и те дети, мобилизованные прямо из детской, вооруженные боевыми навыками при помощи своих новых имплантатов.

- Что вы собираетесь предпринять? Вы же знаете, что не можете победить. Уоррен в этих трех атаках потерял ничтожную часть своих сил. А здесь все выглядит так, словно погибла половина гнезда.

- Дело обстоит намного хуже, - призналась Галиана.

- Что вы имеете в виду?

- Вы еще не совсем готовы. Но я могу показать вам это через минуту.

Он почувствовал, что леденеет.

- Что значит - не совсем готов? Галиана взглянула ему прямо в глаза:

- Вы получили серьезное ранение в голову, Клавэйн. Сама рана была невелика, но внутреннее кровотечение... Если бы мы не вмешались, вы бы погибли. - Прежде чем он успел задать неизбежный вопрос, она ответила на него сама: - Мы сделали вам небольшую инъекцию медицинских машин в мозг. Они легко устранили повреждения. Но мы предусмотрительно позволили им расти.

- Вы поместили мне в мозг репликаторы?

- Не стоит так пугаться. Они уже растут - распространяются и устанавливают взаимодействие с уже существующими нервными схемами, но они занимают лишь ничтожную часть всей глиальной массы, всего несколько кубических миллиметров во всем вашем мозгу.

«А вдруг это блеф?» - подумал Клавэйн.

- Я ничего не чувствую.

- И не должны - почувствуете примерно через минуту. - Она указала на пустую яму в центре комнаты. - Станьте там и посмотрите вперед.

- Там ничего нет.

Но не успел он произнести эти слова, как понял, что ошибся. В яме что-то было. Моргнув, он отвел взгляд, но, посмотрев опять в яму, снова увидел этот предмет - сначала призрачный, молочно-белый, он с каждой секундой становился ярче, принимал четкие очертания. Это была трехмерная структура, сложная, как клубок белковой молекулы. Переплетение петель и связок, узлов и туннелей, встроенное в призрачную

красную матрицу.

Внезапно он понял, что перед ним: это была карта гнезда, уходящего глубоко в недра Марса. Как и подозревала Коалиция, база стала гораздо больше, она расширилась и уходила в землю глубже, чем можно было себе представить. Клавэйн попытался запечатлеть в памяти хотя бы часть увиденного - рефлекс собирания информации оказался сильнее осознания того, что он никогда уже не увидит Деймос.

- Нанниты в мозгу установили связь с вашей зрительной корой, - объяснила Галиана. - Это первый шаг на пути к Всеобщему Просветлению. Теперь вы можете видеть созданные компьютером образы, закодированные полями, через которые мы движемся, по крайней мере большую часть их.

- Скажите мне, что вы не планировали это, Галиана. Скажите, что вы не намеревались при первой возможности запихнуть мне в голову нанниты.

- Нет, я не собиралась этого делать. Но я не могла позволить вашим фобиям помешать мне спасти вашу жизнь.

Изображение усложнялось. В туннелях появились светящиеся точки, некоторые медленно двигались по лабиринту.

- Что это?

- Вы видите местонахождение Объединенных, - ответила Галиана. - Нас здесь так же много, как вы представляли себе?

Клавэйн насчитал во всем комплексе не более семидесяти огоньков. Он поискал скопление, изображающее комнату, в которой находился. Вот она: двадцать ярких точек, среди них одна более тусклая. Это он сам, разумеется. На верхнем этаже гнезда было всего несколько человек; либо во время атаки обрушилась половина туннелей, либо Галиана сама приказала завалить их.

- А где все остальные? Где дети?

- Большинство из них погибли. - Она помолчала. - Вы были правы, предполагая, что мы торопились приобщить их к Всеобщему Просветлению, Клавэйн.

- Зачем?

- Потому что это единственный выход отсюда.

Изображение вновь приняло иной вид. Теперь все огоньки были связаны между собой мерцающей нитью. Структура сети постоянно менялась, словно картинка в калейдоскопе. Время от времени - это происходило слишком быстро, чтобы Клавэйн мог быть уверенным, - образовывалось нечто вроде неуловимого симметричного геометрического узора, затем узор растворялся в мерцающем хаосе изменчивой структуры. Он присмотрелся к узелку, обозначавшему Га-лиану, и увидел, что, даже

разговаривая с ним, она поддерживала постоянную связь с остальными жителями гнезда.

Затем в центре изображения появилось нечто очень яркое, похожее на крошечную звезду, и по сравнению с ней мерцающая сетка стала бледной, почти невидимой.

- Сейчас сетка стала всеобщей, - сказала Галиана. - Яркий свет символизирует ее единство - единство во Всеобщем Просветлении. Смотрите.

Он стал смотреть. От яркого свечения - самого прекрасного и манящего, что доводилось когда-либо видеть Клавэйн, - исходил луч в направлении одинокого огонька, который изображал его самого. Луч пробивался сквозь матрицу, приближаясь с каждой секундой.

- Новые структуры в вашем мозгу почти закончили развиваться, - объяснила Галиана. - Когда луч прикоснется к вам, вы вступите в частичную интеграцию со всеми нами. Приготовьтесь, Невил.

В ее словах не было необходимости. Свет подбирался все ближе и ближе к его огоньку, и Клавэйн стиснул перила взмокшими ладонями.

- Я должен возненавидеть вас за это, - сказал Клавэйн.

- Почему же не возненавидите? Ненависть всегда самый легкий путь.

- Потому что...

Потому что теперь это не имело значения. Его прежняя жизнь осталась позади. Он протянул руки к Галиане - ему нужно было за что-то ухватиться, защититься от надвигающегося удара. Галиана сжала его руку, и мгновение спустя он познал Всеобщее Просветление. Ощущение было потрясающим - не болезненным, не страшным, но совершенно новым. Он буквально начал думать иначе, чем думал несколько микросекунд назад.

Потом, когда Клавэйн пытался мысленно описать происшедшее, он понял, что слова не годятся для этого. И неудивительно: в процессе эволюции язык приспособился передавать многие понятия, но не такие, как переход от индивидуальности к части сетки, состоящей из множества личностей. Но если он не был способен передать суть происшедшего, то он, по крайней мере, мог изобразить его с помощью метафоры. Словно он стоял на берегу океана и гигантская волна накрыла его. Какое-то время он пытался добраться до поверхности, пытался не наглотаться воды. Но поверхности не было. Океан, поглотивший его, простирался бесконечно во всех направлениях. Ему оставалось лишь подчиниться. Но шли минуты, и это пугающее, незнакомое превращалось в нечто приемлемое; ему начинало даже казаться, что оно успокаивает. Уже тогда он понял, что это лишь тень тех ощущений, которые переживает Галиана в каждое мгновение

своей жизни.

- Все в порядке, - сказала Галиана. - Пока достаточно.

Волна Всеобщего Просветления отступила, словно тускнеющее изображение божества. У Клавэйна остались лишь чувственные ощущения; больше не было прямой связи с остальными. Его сознание сокрушительно быстро вернулось к нормальному состоянию.

- Вы в порядке, Невил?

- Да... - У него пересохло в горле. - Думаю, что да.

- Оглянитесь.

Он огляделся по сторонам.

Комната совершенно изменилась. Изменились и все присутствующие.

Преодолевая головокружение, Клавэйн вышел на свет. Прежде серые, стены были испещрены манящими узорами, словно мрачная чаща внезапно превратилась в заколдованный лес из сказки. В воздухе, будто вуали, висели данные: схемы, диаграммы, - цифры роились вокруг коек раненых, тая в пространстве, словно фантастические, хрупкие неоновые скульптуры. Когда он двинулся навстречу рисункам, те, словно в насмешку, разбежались от него, подобно косякам сверкающих рыб. Иногда казалось, что они поют; иногда нос его щекотали наполовину знакомые запахи.

- Теперь вы можете воспринимать эти вещи, - заметила Галиана. - Но они не многое скажут вам. Для этого вам нужно или несколько лет учиться, или встроить в мозг более мощные нанниты, которые создают когнитивные уровни. Мы читаем все это почти подсознательно.

Теперь Галиана была одета иначе. Он по-прежнему смутно различал очертания ее серого комбинезона, но вокруг него волновались клубки света, развертываясь по краям в цепочки чисел логики Буля¹. В ее волосах, словно ангелы, плясали рисунки. Он видел едва заметную паутину мыслей, связывающую ее с другими Объединенными.

Галиана сияла нечеловеческой красотой.

- Вы сказали, что дело обстоит намного хуже, - произнес Клавэйн. - Теперь вы готовы показать мне?

Она снова отвела его к Фелке. Они миновали покинутые детские комнаты, единственными обитателями которых теперь стали механические зверюшки. Фелка осталась в детской одна.

В прошлый раз Клавэйн испытал потрясение при виде Фелки, но причины этого он не мог бы назвать. Было что-то такое в целеустремленности, проявлявшейся в ее действиях, выполнявшейся с нечеловеческой сосредоточенностью, словно судьба Вселенной зависела от исхода ее игры. Со времени его посещения ни Фелка, ни комната не

изменились. Обстановка была такой же строгой, даже угнетающей. Девочка выглядела по-прежнему. По всему казалось, что они покинули ее лишь мгновение назад; словно начало войны и нападения на гнездо - битва, в которой лишь наступила передышка, - были выдумками из чужого кошмарного сна; ничто не могло отвлечь Фелку от ее занятия.

И это занятие повергло Клавэйна в благоговейный ужас.

Раньше он видел, что она делает перед собой странные жесты. Теперь имплантаты в его голове позволяли ему разглядеть, какую цель она преследует. Вокруг Фелки, окружая ее, словно баррикада, высилась призрачная копия Великой Стены.

Она что-то делала со Стеной.

Клавэйн понял, что это не точное изображение. Стена казалась гораздо выше, чем в действительности. А поверхность ее была не невидимой мембраной, как у настоящей Стены, но походила на травленое стекло. На поверхности были вытравлены филигранные линии и узлы, становившиеся все меньше и меньше, наконец они превращались в неясные очертания, которые не мог различить глаз. Стена колебалась и изменяла цвет, и теперь Клавэйн видел, что Фелка реагировала на эти изменения с пугающей быстротой. Казалось, цветовые изменения предупреждали о какой-то опасности, угрожавшей части Стены, и, прикасаясь к ним, действуя при помощи какого-то тактильного кода, Фелка могла изменять узоры, блокируя и нейтрализуя опасность, прежде чем та успевала распространиться.

- Я не понимаю, - произнес Клавэйн. - Я думал, что мы разрушили Стену, полностью уничтожили ее системы.

- Нет, - возразила Галиана. - Вы лишь нанесли ей некоторый ущерб. Остановили ее рост, лишили ее возможности корректно ликвидировать повреждения... но на самом деле вы не убили ее.

Клавэйн понял, что Сандра Вой догадывалась об этом. Она удивлялась, как Стена могла прожить так долго.

Галиана рассказала ему все остальное - как им удалось пятнадцать лет назад установить связь гнезда со Стеной при помощи оптических кабелей, проложенных глубоко под занятой червями зоной.

- Мы приостановили разрушение Стены при помощи программ, выполняемых простейшими машинами, - говорила она. - Но когда родилась Фелка, мы обнаружили, что она может справиться с задачей не хуже компьютеров, в каком-то смысле даже эффективнее. В сущности, казалось, что от этого ей становилось лучше. Словно в Стене она нашла... - Галиана смолкла. - Я хотела сказать - нашла друга.

- И почему же не сказали?

- Потому что Стена - это просто машина. А это значит, что если Фелка имеет с ней что-то общее... кто же тогда она сама?

- Одинокий ребенок, вот кто. - Клавэйн наблюдал за движениями девочки. - Мне кажется, она двигается быстрее, чем раньше. Это возможно?

- Я сказала вам, что дело обстоит хуже, чем прежде. Ей приходится работать напряженнее, чтобы удержать Стену от разрушения.

- Должно быть, Уоррен задел ее, - предположил Клавэйн. - Возможность разрушения Стены всегда фигурировала в наших планах новой войны как случайное обстоятельство. Но я не думал, что это произойдет так скоро. - Он снова посмотрел на Фелку. Может быть, ему показалось, но она ускорила движения с того момента, как они вошли в комнату. - Как вы думаете, долго еще она сможет держаться?

- Не слишком, - ответила Галиана. - Откровенно говоря, я думаю, что она уже потерпела поражение.

Это была правда. Взглянув пристальнее на призрачную Стену, Клавэйн заметил, что верхний край ее не был больше, как прежде, математически строгим кольцом; там появились дюжины крошечных дыр с зазубренными краями, которые все расширялись. Фелка обращала все больше внимания на эти щели в Стене; она приказывала структуре Стены отводить энергию и строительные материалы к этим критическим точкам. Когда Клавэйн представлял себе, какими процессами управляет на расстоянии Фелка, ему становилось страшно. Внутри Стены располагалась лимфатическая система, на периферии к ней присоединялись подводящие трубки диаметром от нескольких метров до долей миллиметра; жестами девочка устанавливала связь между поврежденными участками и фабриками, расположенными в толще Стены, которые производили требуемый тип механизмов. Галиана рассказала, что Фелка более десяти лет удерживала Стену от распада, - но большую часть времени ее противниками были лишь естественный процесс разрушения и случайные повреждения. Теперь, когда Стену снова атаковали, положение изменилось. В этой игре она не могла надеяться выиграть.

Движения Фелки становились быстрее, теряли плавность. Лицо ее оставалось бесстрастным, но по движениям глаз, все быстрее перебегающим от одной точки к другой, можно было уловить первые признаки паники. И неудивительно: самые глубокие трещины уже прогрызли четверть пути до основания Стены и они были слишком широки и не поддавались исправлению. Стена распадалась по этим трещинам. Через образовавшиеся отверстия наружу уносило кубические километры

атмосферы. Сначала потеря давления могла казаться неизмеримо малой, потому что у верхнего края Стены цилиндр воздуха был лишь чуть плотнее марсианской атмосферы. Но это лишь сначала...

- Нужно уйти вглубь, - сказал Клавэйн. - Когда Стена рухнет, нам ни за что не выжить, если мы останемся у поверхности. Возникнет самое мощное торнадо в истории.

- А что предпримет ваш брат? Сбросит на нас ядерную бомбу?

- Нет, не думаю. Он захочет завладеть всеми технологиями, которые вы скрываете. Он подождет, пока пылевая буря не стихнет, затем нападет на гнездо с армией, в сотню раз большей, чем вы видели до сих пор. Вы не сможете сопротивляться, Галиана. Если вам повезет, вы доживете до того, как вас возьмут в плен.

- Пленных не будет, - возразила Галиана.

- Вы собираетесь погибнуть в бою?

- Нет. И массовое самоубийство также не входит в наши планы. В этом нет необходимости. К тому времени, когда ваш брат доберется сюда, в гнезде никого не останется.

Клавэйн вспомнил о червях, окружавших их, о том, как малы шансы оказаться в безопасности, если придется идти мимо них.

- Секретные туннели под зоной червей, так? Надеюсь, вы говорите серьезно.

- Серьезно, как никогда, - ответила Галиана. - Да, существует секретный туннель. Оставшиеся дети уже прошли сквозь него. Но он расположен не под зоной червей.

- Где же тогда?

- Немного дальше отсюда.

Когда они снова проходили через медицинский центр, там было пусто - лишь несколько S-образных роботов терпеливо ожидали новых пострадавших. Они оставили Фел-ку чинить Стену; руки ее мелькали с безумной быстротой, она пыталась отдалить крах. Клавэйн попытался заставить ее идти с ними, но Галиана сказала, что он напрасно тратит время: она скорее умрет, чем расстанется со Стеной.

- Вы не понимаете, - объяснила Галиана. - Вы наделяете ее' человеческими качествами. Поддержание существования Стены - единственное, самое важное ее занятие в жизни, это для нее важнее любви, боли, смерти - всего, что я или вы признаем человеческим.

- А что случится с ней, если Стена рухнет?

- Ее жизнь закончится, - сказала Галиана.

Он оставил девочку неохотно, с чувством стыда. С точки зрения

разума это был лучший выход: без помощи Фелки Стена рухнула бы гораздо быстрее, и они, скорее всего, погибли бы вместе с безумной девочкой. Насколько глубоко им нужно спрятаться, чтобы их не засосало в воронку? Сохранится ли хотя бы часть гнезда?

Коридоры, по которым они спускались, оставались такими же серыми и холодными, как прежде. В стенах не было генераторов изображения, на которые реагировали имплантаты в голове Клавэйна, и даже светлая аура Галианы исчезла. Они встретили лишь нескольких Объединенных, и те, казалось, двигались в том же направлении - вниз, к основанию гнезда. Эта территория была незнакома Клавэйну.

Куда же ведет его Галиана?

- Если у вас с самого начала имелся выход, почему вы сразу не отправили туда детей?

- Я же сказала вам, что мы не могли так быстро приобщить их к Всеобщему Просветлению. Чем старше дети, тем лучше, - объяснила Галиана. - Но теперь...

- Ждать больше нельзя, верно?

Наконец они оказались в комнате с таким же эхом, как и в ангаре наверху. Здесь было темно, за исключением нескольких светлых островков, но в тени Клавэйн различил поврежденное землеройное оборудование и грузовые поддоны, краны и деактивированных роботов. Пахло озоном. Здесь продолжалась какая-то деятельность.

- Это завод, на котором производятся корабли? - спросил Клавэйн.

- Да, мы делаем здесь кое-что, - подтвердила Галиана. - Но это было побочное производство.

- А основное?

- Основное - это туннель, разумеется.

Галиана включила свет. В дальнем конце помещения, куда они направлялись, находилось несколько цилиндрических предметов с заостренными концами, напоминавших гигантские патроны. Они стояли на рельсах, друг за другом. Рядом с верхушкой первого «патрона» в стене было темное отверстие. Клавэйн хотел было что-то спросить, когда раздалось неожиданное громкое гудение, и первый «патрон» исчез в дыре. Остальные снаряды - их осталось три - медленно подъехали ближе к дыре и остановились. Объединенные ждали своей очереди, чтобы забраться внутрь.

Он вспомнил слова Галианы о том, что в гнезде никого не останется.

- Что здесь происходит?

- Это путь прочь из гнезда, - объяснила Галиана. - И с Марса, хотя,

думаю, вы уже сами кое о чем догадались.

- С Марса нет пути, - возразил Клавэйн. - Заграждение работает эффективно. Вы не поняли этого после гибели своих кораблей?

- Корабли были отвлекающим маневром, - сказала Галиана. - Мы хотели заставить вас думать, что по-прежнему пытаемся улететь, а на самом деле наш путь уже действовал.

- Дорого вам обошелся этот отвлекающий маневр.

- Не так уж дорого. Я солгала вам, сказав, что мы не проводили клонирования. Мы занимались этим - но лишь для того, чтобы создавать тела без мозга. Еще до старта корабли были полны трупов.

В первый раз с той минуты, как Клавэйн покинул Деймос, он улыбнулся, позабавленный явными отклонениями в мышлении Галианы.

- Разумеется, была еще одна цель, - добавила она. - Эти корабли провоцировали ваших людей на прямую атаку гнезда.

- Значит, все это было заранее задумано?

- Да. Нам требовалось привлечь ваше внимание, чтобы вы сосредоточили вооруженные силы на низкой орбите, поблизости от гнезда. Разумеется, мы надеялись, что нападение начнется позже... но мы не знали о заговоре Уоррена.

- Значит, вы что-то замыслили.

- Вот именно.

Следующий «патрон» нырнул в дыру, на впускных рельсах потрескивал озон. Теперь снарядов осталось только два.

- Мы можем поговорить позже. Времени мало. - Она создала в его визуальном поле изображение Стены, наполовину испещренной гигантскими трещинами. - Она рушится.

- А Фелка?

- Она все еще пытается спасти Стену.

Клавэйн взглянул на Объединенных, которые забирались в первый «патрон», и попытался представить, куда они полетят. Может быть, это какое-то убежище, которое ему знакомо, а может быть, это находится за пределами его понимания и для него равносильно смерти? Найдутся ли у него силы проверить это? Возможно. В конце концов, теперь ему нечего терять; он наверняка больше не вернется домой. Но если он последует в изгнание за Галианой, то всегда будет мучиться от сознания, что бросил Фелку.

Ответ, когда он пришел, оказался прост:

- Я возвращаюсь за ней. Если вы не можете меня ждать, не нужно. Но не пытайтесь меня остановить.

Галиана, взглянув на него, медленно покачала головой:

- Она не благодарит вас за то, что вы спасли ей жизнь, Клавэйн.

- Может быть, позже, - ответил он.

У него было такое чувство, что он возвращается обратно в горящий дом. Если вспомнить, что говорила Галиана насчет безумия Фелки - что, строго выражаясь, она мало чем отличалась от автомата, - его поступок не имел смысла, был просто самоубийством. Но если он ее бросит, он сам перестанет быть человеком. Клавэйн совершенно неверно понял слова Галианы о том, что девочка им дорога. Он считал, что они привязаны к ней... а Галиана хотела сказать, что этот ребенок обеспечивает их существование. И вот, когда гнездо было покинуто, в ней больше не нуждались. Неужели Галиана теперь сама стала холодна, как машина, - или она была просто ужасно реалистична? После одного-двух ошибочных поворотов он нашел детскую и комнату Фелки. Его имплантаты снова создавали в воздухе призрачные картины. Теперь огромные расщелины в Стене достигали поверхности Марса. От Стены откалывались куски размером с айсберг, они лежали на марсианской пыли, словно гигантские осколки стекла.

Фелка проиграла, она сама понимала это. Это была не просто очередная трудная фаза игры. С этим она не в силах была справиться, и по лицу ее было ясно, что она знает. Она по-прежнему яростно размахивала руками, но лицо ее покраснело, его исказила гримаса обиды, гнева и страха.

Казалось, она впервые заметила его.

Что-то проникло сквозь ее скорлупу, решил Клавэйн. Впервые за многие годы произошло событие, с которым она не могла справиться, событие, угрожавшее разрушить аккуратную геометрическую вселенную, созданную ею для себя. Может быть, она и не отличала его лицо от лиц остальных людей, окружавших ее, но она наверняка поняла что-то... поняла, что мир взрослых гораздо больше ее мира и что только оттуда может прийти спасение.

А затем она совершила то, что неописуемо потрясло его. Она взглянула ему прямо в глаза и протянула руку.

Но он ничем не мог помочь ей.

Потом - ему показалось, что прошли часы, хотя на самом деле миновало минут двадцать-тридцать - Клавэйн обнаружил, что снова может нормально дышать. Они покинули Марс - Галиана, Фелка и он, летя на последнем «патроне».

И они были еще живы.

Вакуумный туннель, по которому двигался «патрон», представлял собой неглубокую дугу, пробуренную в толще Марса и соединяющую две точки его поверхности. Туннель выходил наружу на расстоянии двух тысяч километров от гнезда, далеко за пределами Стены, где атмосфера была такой же разреженной, как и на всей планете. Для Объединенных пробурить туннель было не слишком трудной задачей. Подобный коридор невозможно было бы проделать на планете, поверхность которой образована тектоническими плитами, но под литосферой Марса находился неподвижный пласт коры. Им не пришлось даже беспокоиться об отходах. Извлеченный грунт сжимали, сплавляли и использовали для укрепления стенок туннеля с помощью каких-то фокусов с пьезоэлектричеством, и стенки эти выдерживали чудовищное давление. «Патрон» непрерывно ускорялся, и ускорение его составляло три единицы за шесть секунд. Сиденья наклонились назад и обхватили их, к ногам было приложено давление, чтобы поддерживать кровоток к мозгу. И даже при этом было тяжело думать, не то что двигаться, но Клавэйн знал, что самым первым космонавтам во время вылазок за пределы Земли приходилось выдерживать и не такие перегрузки. И он испытал подобные мучения на войне, во время запусков боевых ракет.

Двигаясь со скоростью десять километров в секунду, они достигли поверхности, вылетев через замаскированный люк. На какой-то миг их поглотила атмосфера... но почти сразу же Клавэйн почувствовал, что корабль тормозит; все кончилось. И действительно, поверхность Марса быстро удалялась от них.

Через тридцать секунд они очутились в космосе.

- Сенсорная сеть заграждения не может засечь нас,- сказала Галиана. - Вы расположили лучшие спутники-шпионы прямо над гнездом. Это была ошибка, Клавэйн, - хотя мы изо всех сил старались привлечь ваше внимание кораблями. Но сейчас мы далеко за пределами чувствительности ваших сенсоров.

Клавэйн кивнул:

- Но когда мы удалимся от поверхности, нам все равно несдобровать. Тогда мы будем выглядеть просто как корабль, пытающийся уйти в дальний космос. Может быть, сеть обнаружит нас не сразу, но в конце концов нас все же заметят.

- Это было бы верно, - возразила Галиана, - если бы мы действительно направлялись в дальний космос.

Рядом с ним пошевелилась Фелка. Она впала в нечто вроде кататонии. Разлука со Стеной подорвала самые основы ее существования; теперь она

летела в бездну бессмыслицы. Возможно, подумал Клавэйн, она будет падать туда вечно. Если так, то он лишь ускорил ее гибель. Неужели это так уж жестоко? Может быть, он обманывал себя, но неужели когда-нибудь Галиана с помощью своего оборудования не сможет исправить вред, нанесенный десятью годами раньше? Конечно же, они могут попытаться. Это зависит от того, куда они направляются. Сначала Клавэйн решил, что их цель - одно из гнезд Объединенных в Солнечной системе, хотя непохоже было, что они доживут до конца путешествия. При скорости десять километров в секунду это могло занять вечность...

- Куда вы нас везете? - спросил он.

Галиана мысленно отдала некую команду, и «патрон», казалось, стал прозрачным.

- Туда, - сказала она.

Далеко впереди возник какой-то объект. Галиана увеличила изображение, и объект стал виден лучше.

Темный, бесформенный. Похож на Деймос, только без укреплений.

- Фобос, - произнес пораженный Клавэйн. - Мы летим на Фобос.

- Да, - ответила Галиана.

- Но как же черви...

- Червей больше нет. - Она говорила с тем же терпением учителя, с каким Ремонтуар не так давно разговаривал с ним на ту же тему. - Ваши попытки изгнать червей потерпели неудачу. Вы сочли, что и наша последующая попытка также провалилась... но мы лишь хотели заставить вас думать так.

На мгновение он лишился дара речи.

- Так у вас все это время были люди на Фобосе?

- Да, со времени прекращения огня. И они были весьма заняты.

Фобос изменился. Несколько слоев поверхности было снято, и открылось блестящее устройство, спрятанное в его центре, готовое к полету. Клавэйн никогда не видел ничего подобного, но назначение этого предмета не вызывало сомнений. Это было нечто удивительное; ничего похожего не создал никто за всю историю человечества.

Перед ним был звездолет.

- Скоро мы отправляемся, - объявила Галиана. - Разумеется, они попытаются остановить нас. Но сейчас, когда их силы сосредоточены у поверхности, им это не удастся. Мы оставляем Фобос и Марс и посылаем сообщения остальным гнездам. Если они смогут вырваться и присоединиться к нам, мы заберем и их. Мы улетаем из этой системы.

- Куда вы направляетесь?

- Вы хотели сказать, куда мы направляемся? Ведь в конце концов вы летите с нами. - Она сделала паузу. - Есть несколько подходящих систем. Наш выбор зависит от траектории кораблей Коалиции, которые отправятся в погоню за нами.

- А как насчет Демаршистов?

- Им нас не остановить.

Это было сказано с абсолютной уверенностью. Что означала эта уверенность? То, что Демаршисты знали об этом корабле? Возможно. Давно ходили слухи о том, что Демаршисты и Объединенные были ближе друг к другу, чем хотели казаться.

Клавэйну пришла в голову мысль:

- А изменения орбиты, вызванные червями?

- Это результат нашей работы, - сказала Галиана. - Ничего не могли с этим поделать. Каждый раз, когда мы взрывали один из этих баллонов, мы толкали Фобос на новую орбиту. Даже после того, как мы взорвали тысячу баллонов, эффект был едва заметным - скорость Фобоса изменилась меньше чем на одну десятую миллиметра в секунду, - но скрыть это было невозможно. - Она замолчала и посмотрела на Клавэйна с некоторым опасением. - Мы прибываем через три с лишним минуты. Вы хотите жить?

- Простите?

- Подумайте об этом. Длина трубы на Марсе составляет две тысячи километров, и это позволило нам поддерживать ускорение в течение шести минут. Даже там оно превышало величину ускорения свободного падения на Земле в три раза. Но на Фобосе для этого просто нет места. Мы будем тормозить гораздо резче.

Клавэйн почувствовал, что волосы у него на затылке стали дыбом.

- Насколько быстро?

- Полное торможение за одну пятую секунды. - Она дала ему время осмыслить услышанное. - Пятикратная перегрузка.

- Я не перенесу этого.

- Нет, вы не в состоянии. По крайней мере сейчас. Но у вас в голове имеются имплантаты. Если вы позволите, у них еще есть время построить в вашем мозгу структурирующую сетку. Мы заполним кабину пеной. Мы все временно умрем, но ничего непоправимого не произойдет - на Фобосе все смогут исправить.

- Это будет не просто структурирующая сетка, верно? Я стану похожим на вас, исчезнут все различия между нами.

- Да, вы станете одним из Объединенных. - Галиана едва заметно улыбнулась. - Процедура обратима. Просто никто еще не захотел вернуться

обратно.

- И вы еще говорите мне, что все это не было задумано?

- Нет, но я и не жду, чтобы вы мне поверили. Хотя я не знаю, важно ли это... Вы хороший человек, Клавэйн. Вы можете принести пользу Всеобщему Просветлению. Возможно, подсознательно я... то есть мы...

- Вы всегда надеялись, что дело этим кончится? Галиана улыбнулась.

Клавэйн посмотрел на Фобос. Даже без увеличения он стал явно больше. Очень скоро они прилетят. Он хотел бы поразмыслить об этом подольше, но время было не на его стороне. Затем он взглянул на Фелку и подумал: кому из них это путешествие кажется более странным? Фелке, с ее поиском смысла жизни во Вселенной, без ее любимой Стены, или ему на его пути ко Всеобщему Просветлению? Так получилось, что ни то ни другое не будет легким. Но вместе, возможно, они даже смогут найти способы помочь друг другу. Сейчас ему оставалось надеяться только на это.

Клавэйн кивнул, готовый к тому, что рой машин опутает его мозг. Он был готов дезертировать.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

21.07.2008

Содержание

[АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС Великая Стена](#)